МИСТИЧЕСКИЙ ЭКШЕН-ТРИЛЛЕР

НЕПРОИЗОШЛО

У каждого выбора есть жизнь, которой не случилось

ZLOSOSIS

ZLO SOSIS
Непроизошло

https://litres.ru/74835054
SelfPub; 2026

Аннотация

У каждого выбора есть жизнь, которой не случилось.

Лев Климов слушает ночные вызовы. Однажды запись называет его по имени: женщина, которую ещё не убили, просит не спускаться в галерею под Старым мостом. До времени её смерти остаётся восемь минут.

Мистический экшен о правке одного поступка и о жизнях, которые город не принял.

Содержание

ГЛАВА 1 4
ГЛАВА 2 38
ГЛАВА 3 78
ГЛАВА 4 123
ГЛАВА 5 167
Конец ознакомительного фрагмента. 194

Непроизошло

У каждого выбора есть жизнь,
которой не случилось.

ГЛАВА 1
Звонок, которого не было

У мёртвых есть одна отвратительная привычка: они звонят не вовремя.

Я узнал об этом в два часа одиннадцать минут ночи, когда пытался вытащить из автомата стаканчик кофе. Автомат считал, что я должен ему двадцать рублей. Я считал, что автомат должен мне три года жизни. На этом наши переговоры традиционно заходили в тупик.

— Лев, — сказала Лада из-за перегородки. — У тебя незакрытый вызов.

— Скажи ему, что я перезвоню, когда стану лучше как человек.

— У него категория «Смерть».

— Тем более. Пусть подождёт.

Я всё-таки повернулся. На моём мониторе горела красная полоска: «ВЫЗОВ № 441-08. ПОВТОРНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ». Под ней — отметка о времени. 02:11:06.

Слово «повторная» было странным. Ночью мы работали в

муниципальном центре аудита экстренных вызовов, куда попадали записи с испорченным временем, оборванными фразами и жалобами вроде «оператор положил трубку, когда мне было очень плохо». Мы не спасали людей. Мы выясняли, кто виноват, что их не спасли. В этом городе для любой трагедии находилось две службы: одна опаздывала, другая аккуратно подшивала объяснительную.

Я нажал «Прослушать».

Сначала в наушниках кто-то дышал. Тихо, размеренно, словно учился делать это по инструкции.

— Экстренная служба, — произнёс мужской голос. — Что

у вас случилось?

— Меня убили, — ответила женщина.

Оператор не растерялся. Профессионализм — это когда даже очевидное безумие удаётся оформить в три поля.

— Назовите адрес.

— Переход под Старым мостом. Нижняя галерея. Дверь номер три.

— Вы ранены?

— Да. Но это будет позже.

Я проверил скорость воспроизведения. Обычная. На второй дорожке шумел дождь, на третьей гремел металл. Третьей дорожки вообще не должно было быть.

— Мне нужен Лев Климов, — сказала женщина.

Я перестал дышать. Теперь шумело только в наушниках.

— У нас нет информации о таком сотруднике, — ответил оператор.

— Он сейчас пьёт кофе без крышки. На левом рукаве у него пятно от чернил. Он думает, что никто не заметил, как он плакал в автобусе в прошлый четверг. Скажите ему, пожалуйста: это не было позорно.

Пятно на рукаве у меня было. Автобус тоже был.

Я медленно снял наушники. Посмотрел на Ладу. Она жевала карамель с таким видом, словно лично спасала ею ночную смену от банкротства.

— Откуда запись? — спросил я.

— С центрального сервера. Больше ничего.

— Время поступления?

— Два одиннадцать. У тебя лицо как у человека, которому прислали счёт за детство.

Я вновь надел наушники.

— Лев, если ты это слышишь, не спускайся в галерею до двух двадцати одной, — быстро сказала женщина. — И ни в коем случае не спасай меня.

Раздался глухой удар. Потом короткий звук, будто ногтем царапнули стекло.

— Кого тогда спасать? — спросил оператор.

— Девочку в жёлтом плаще. Она должна умереть вместо меня. Но не дайте ей.

Запись оборвалась.

На экране появилось обычное окно: «РЕЗУЛЬТАТ ПРОВЕРКИ». Я уже собирался нажать «Ошибка маршрутизации», когда заметил маленькую строку, почти скрытую полем комментария.

«Время смерти заявителя: 02:21:14».

На часах было 02:13.

. . .

Формально странные записи были нашей работой. Неформально — когда запись называла твоё имя, у тебя появлялись три варианта: сообщить начальству, пойти к психиатру или сделать что-нибудь непоправимо глупое. Я в тот момент

уже шнуровал ботинки.

— Ты куда? — спросила Лада.

— Проверю адрес.

— Ты теперь оперативник?

— Нет. У меня просто очень плохо развита способность принимать разумные решения.

Она поймала меня за локоть прежде, чем я дошёл до двери.

Ладе было сорок шесть, она носила строгие костюмы, хотя наша работа проходила в подвале, и никогда не задавала один и тот же вопрос дважды. Поэтому её следующий вопрос напугал меня сильнее, чем запись:

— Там сказали «дверь номер три»?

— Да.

Лада побледнела. Не театрально, без эффектных жестов. Просто на секунду стала похожа на собственную чёрно-белую фотографию.

— У Старого моста две двери, — произнесла она.

— Значит, иду по адресу. У нас с женщиной уже есть одно общее заблуждение.

— Лев. Пожалуйста. Не считай двери.

Я хотел спросить почему. Но в эту секунду на общем табло загорелась надпись «ПРОБЛЕМА СО СВЯЗЬЮ», и все двенадцать телефонов отдела одновременно зазвонили.

Не одинаково. Каждый на свой лад — у кого-то дребезжащий старый звонок, у кого-то мелодия из детской игрушки,

один заговорил женским голосом: «Ваш вызов очень важен для нас».

Лада отпустила меня.

— Беги, — сказала она.

Я побежал.

До Старого моста было пятнадцать минут пешком, семь на такси и три, если забыть о правилах дорожного движения и никогда больше не жаловаться на колени. Мне оставалось восемь минут до смерти незнакомой женщины.

Я выбрал четвёртый вариант: спустился с крыльца и почти сразу попал под автобус.

Автобус выскочил из-за угла по пустой выделенной полосе. Свет фар ударил в лицо. Я успел отпрянуть, обжёг ладонь о мокрую ограду и услышал, как водитель выкрикнул что-то очень точное про моих родственников.

Автобус был без пассажиров. На лобовом стекле вместо маршрута светилось «НЕ В СЛУЖБЕ».

Когда он проехал, я увидел на заднем стекле отпечаток ладони.

Изнутри.

Человеческая ладонь была слишком большой. Пальцы доходили почти до верхней кромки стекла. Пока я смотрел, отпечаток сдвинулся вниз, как будто кто-то пытался выбраться.

Я отвернулся и побежал ещё быстрее.

Береговой ночью не спал — он притворялся мёртвым,

чтобы избежать коммунальных платежей. Над крышами мерцали экраны торговых центров, рельсы трамвая блестели, словно хирургические инструменты, а вода в каналах пахла металлом и речными водорослями. На перекрёстке женщина с пакетом молока стояла под дождём без зонта, не шевелясь. Я пробежал мимо и услышал, как она тихо сказала мне вслед:

— Опять поздно.

Мне не понравилось это «опять».

Я достал телефон. 02:17.

На экране высветилось сообщение от неизвестного номера:

«НЕ ДЕЛАЙ ВИД, ЧТО ТЫ НЕ ПОМНИШЬ».

Следом пришла фотография. Тусклая детская комната, зелёные обои, игрушечный космонавт на подоконнике. У кровати стоял мальчик лет десяти в пижаме. Он смотрел на фотографа и держал в руках лист бумаги, исписанный крупными буквами.

«НЕ СОГЛАШАЙСЯ».

Это был я.

Я знал комнату, хотя не мог сказать, где она находилась. На правой щеке мальчика была царапина в форме скобки — такая осталась у меня после падения с велосипеда. А вот игрушечного космонавта я не помнил совершенно. Ни его, ни того, кто мог меня фотографировать.

Сообщение исчезло само.

Телефон перезагрузился и показал 02:18.

До нижней галереи оставалось меньше двухсот метров.

. . .

Переход под Старым мостом был закрыт на ремонт с прошлого месяца. Жёлтые ограждения лежали на боку. На цепи, которая должна была перекрывать лестницу, висела табличка: «ПРОХОД ЗАПРЕЩЁН. ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ».

Внизу кто-то повесил вторую: «ОПАСНО ДЛЯ СМЕРТИ».

Я надеялся, что это чья-то шутка. Обычно шутки у городских служб были ещё хуже.

Ступени вели в длинный тоннель, освещённый двумя рядами квадратных ламп. Под ногами хрустела старая штукатурка. Влажный кафель отражал мою фигуру, делая меня на полметра выше и гораздо увереннее в себе.

У дальнего конца перехода стояла девушка в сером пальто. Невысокая, короткие тёмные волосы, лицо бледное от усталости. Она держала телефон у уха, но не говорила.

Рядом с ней — девочка лет восьми в жёлтом дождевике. На голове капюшон с двумя смешными ушками. Девочка смотрела в тоннель так, будто ждала кого-то важного.

Я замедлил шаг.

— Вы звонили в экстренную службу? — спросил я.

Девушка повернулась. У неё были красные от недосыпа

глаза и разбитая губа.

— Я просила не приходить до двадцати одной, — сказала она.

Голос совпадал с записью.

— Обычно после таких просьб я получаю приглашение на свадьбу, — ответил я. — Но сегодня решил разнообразить вечер.

Она посмотрела на часы у меня на руке.

— Двадцать девять секунд. Вы можете уходить.

— Кто вы?

— Мира. Мира Савина. И я очень хочу, чтобы вы ушли.

— На записи вы сказали, что вас убили.

— Ещё нет.

— Вы поразительно спокойны для человека, у которого назначено убийство.

— Я нервничаю за двоих. Просто у меня лицо не подписано на эту услугу.

Девочка дёрнула Миру за рукав.

— Тётя, он правда такой глупый?

— Хуже, Алиса. Он добрый.

Из-за потолка донёсся щелчок. Один. Потом второй.

Лампы в переходе начали гаснуть от лестницы к нам. Сначала одна, потом следующая, словно кто-то шёл по свету и выдавливал его каблуками.

— Тринадцать секунд, — сказала Мира.

— До чего?

Она показала на девочку.

— До того, как её не станет.

Я подошёл ближе. На лице Алисы не было страха. Только деловое любопытство.

— Ты знаешь, что сейчас случится? — спросил я.

— Знаю. Меня выберут.

— Кто?

— Дверь.

Позади нас в бетонной стене раздался металлический стук.

Я обернулся.

Там, где ещё секунду назад была гладкая плитка с рекламой дешёвых окон, теперь стояла дверь. Узкая, обитая белым пластиком, с медной табличкой «3». По бокам висели две обычные двери технических помещений. Значит, их и правда стало три.

— Лев, — сказала Мира, — не смотрите на ручку.

Конечно, я посмотрел.

Ручка была не на двери.

Она была на моей ладони: маленькая медная дуга выступала из кожи между большим и указательным пальцами. Я ощутил холод металла и попытался стряхнуть его, как насекомое. Он не двигался.

Щёлк.

Дверь начала открываться внутрь стены.

За ней была не комната. За ней был тот же переход, но пу-

стой и сухой. На полу лежала девочка в жёлтом плаще. Её капюшон был развёрнут под невозможным углом. Рядом стояла Мира и плакала, закрыв рот руками.

А чуть дальше стоял я.

С другой стороны двери.

Он был мне не просто похож. Он носил мою куртку, мой дешёвый ремень и пятно на левом рукаве. Только смотрел так, как люди смотрят на собственную ошибку, когда уже перестали надеяться её исправить.

— Не надо, — сказал другой я.

Живой переход содрогнулся. Алиса вскрикнула, потому что пол под её ногами стал прозрачным. Под ним медленно поворачивались мокрые рельсы, по которым в разные стороны ехали два поезда. Оба поезда были пустые. Оба заполнены человеческими тенями.

В первую секунду я подумал, что сошёл с ума.

Во вторую — что сходить с ума нужно было дома, в тепле и с медицинской страховкой.

В третью дверь подалась ещё шире, и в нашу сторону потянулся мальчишеский шёпот:

— Папа, ты опять выбрал неправильно.

Я не был отцом.

Насколько мне было известно.

Мира ударила меня по лицу.

Хорошо ударила. По-настоящему, от души. Боль вернула плитку под ноги, ржавый запах тоннеля и ясное понимание:

девочка уже скользит к открытой двери, хотя не делает ни шага.

— Уведите её! — крикнула Мира.

Я схватил Алису за плечи. Она весила килограммов двадцать пять, и всё же меня потянуло вперёд так сильно, будто к её спине привязали грузовик.

Ручка на моей ладони повернулась сама.

Мира вскрикнула. Из-под воротника её пальто хлынула кровь.

На коже у неё проступила тонкая красная линия, будто невидимая рука проводила по горлу канцелярским ножом. Я потянул Алису назад, упёршись пятками в пол. Девочка не сопротивлялась. Она плакала от злости.

— Я не хочу! — крикнула она. — Я уже была там!

Мирина кровь капала на кафель, а её отражение в плитке оставалось сухим.

Мне оставалось сделать одно из двух: отпустить девочку или смотреть, как умирает женщина, которую я пришёл спасать, хотя она запретила.

Тогда перед глазами появился текст.

Не на стене. Не на экране телефона. Он просто занял место между мной и миром — чёрные буквы на белой, неестественно ровной полосе воздуха.

«ОБНАРУЖЕНО ПРОТИВОРЕЧИЕ».

«УТВЕРЖДЁННЫЙ ИСХОД: смерть Алисы Зиминой, 8 лет».

«ФАКТИЧЕСКИЙ ИСХОД: сопротивление со стороны неучтённого субъекта».

«ПРАВО НА ВОЗРАЖЕНИЕ ДОСТУПНО».

Под строками замигала единственная кнопка: «НЕ СОГЛАСЕН».

— Лев! — захрипела Мира. — Ничего не подписывайте!

Я посмотрел на неё. На красную линию у шеи. На девочку, которую утаскивало в мир, где она уже лежала мёртвая.

Я часто слышал, что у любого человека есть цена.

В ту ночь я впервые увидел прайс-лист.

«ОТКЛОНИТЬ ИСХОД?»

«Стоимость будет названа после выполнения».

— Замечательно, — сказал я. — Моя любимая форма договора.

И нажал «НЕ СОГЛАСЕН».

Мир хрустнул, как сухая ветка.

Это не было похоже на замедленную съёмку. Скорее кто-то вырвал из фильма девять секунд, скомкал их и сунул мне в рот. Я почувствовал привкус крови, горячего железа и ванильного мороженого, которое когда-то ел на пляже. Затем всё вокруг пошло назад.

Капли Мириной крови поднялись с пола. Девочка перестала плакать; её слёзы втянулись обратно под веки. Дверь захлопнулась, лампы по очереди загорелись. Я успел увидеть, как медная ручка вылезает из моей ладони и исчезает в стене.

«ОТКАТ: 9 СЕКУНД».

«РАЗРЕШЕНА ПРАВКА ОДНОГО ДЕЙСТВИЯ».

«ОГРАНИЧЕНИЕ: допустимо изменение только вашего собственного движения».

И снова тоннель.

Алиса стояла в двух шагах от меня. Мира держала телефон у уха. Двери номер три ещё не было.

— Девять секунд, — сказала она.

Я не слушал. Теперь я знал, что схватить девочку за плечи недостаточно: за ней тянулось что-то сильнее меня. Нельзя выиграть перетягивание каната у дома. Но если успеть выдернуть канат из его рук…

За спиной Алисы стояла аварийная тележка с мешками цемента. Её левое колесо было зафиксировано железной педалью, а под правым лежал обломок плитки. Тележка едва заметно кренилась к центру перехода.

Я сделал единственное движение, которого не делал в прошлый раз.

Вместо того чтобы броситься к девочке, я ударил носком ботинка по обломку плитки.

Тележка рванулась. Мешки посыпались. Металлическая рама со страшным скрежетом покатилась между Алисой и стеной, в которой должна была появиться дверь.

— На пол! — заорал я.

Алиса от неожиданности присела. Мира накрыла её собой.

Тележка врезалась в белую дверь в тот самый миг, когда та начала проявляться. Пол вспыхнул молочным светом. Из щели вырвались человеческие голоса — сотни, тысячи голосов, каждый выкрикивал моё имя с разной интонацией.

Тележка исчезла наполовину. Вторая половина сложилась гармошкой. Невидимая сила ударила меня в грудь. Я полетел назад и впечатался спиной в колонну.

На миг стало очень тихо.

Потом свет вернулся. Стена снова была стеной. Девочка сидела на полу, обнимая колени. Мира жива, хотя на шее у неё краснел тонкий след, напоминавший царапину от жёсткого воротника.

В голове возникла новая строка:

«ПРАВКА ПРИНЯТА».

«ИЗМЕНЕНИЕ: смерть Алисы Зиминой предотвращена».

«ПЛАТЁЖ: изъято воспоминание № 017».

«ОТМЕНЁННЫЙ ИСХОД НЕ УНИЧТОЖЕН».

Я хотел уточнить, что последняя фраза означает. Не успел.

В моих мыслях открылась пустота.

Вот у меня был день, который я помнил всегда. Маленькая кухня, вечер, лампа над столом, мужчина со щетиной говорит мне что-то важное. Я знал, что это воспоминание — дорогое, что в нём содержится один из тех ответов, на которые опираешься в самые плохие годы. Но теперь я не мог вспом-

нить ни слов, ни лица. Только лампа. И старое чувство, что кто-то любил меня достаточно сильно, чтобы остаться рядом в ту ночь.

Я опустился на одно колено.

— Что с вами? — спросила Мира.

— Кажется, только что у меня украли вечер.

— Какой?

Я открыл рот.

И не смог объяснить.

Мира закрыла глаза. Её плечи опустились так, будто она ждала именно этого ответа и всё равно надеялась ошибиться.

— Вы сделали правку, — сказала она.

— Судя по всему, теперь она делает меня.

— Встаньте. Быстро.

— Я предпочёл бы пять минут полежать. Возможно, мне достался бесплатный перелом.

— Лев, послушайте. Мы не отменили её смерть. Мы оставили её без адреса.

— Разница звучит довольно юридически.

— Для нас — огромная. Для того, что придёт, — никакой.

В дальнем конце перехода капнула вода.

Потом ещё раз.

Я заметил жёлтое пятно на потолке. Сначала подумал, что там отражается чей-то дождевик. Но пятно двигалось против света — медленно, ползком, как насекомое по стеклу.

С потолка свесился маленький сапог.

За ним второй.

И девочка в жёлтом плаще упала вниз головой, не издав ни звука.

Только шея у неё не выдержала падения. Голова качнулась набок, прижалась к плечу. Под капюшоном остались открытыми два глаза — тусклые, с серыми полосками вместо белков.

У настоящей Алисы вырвался тихий жалобный звук.

— Это я? — спросила она.

Упавшая девочка медленно выпрямилась. Кости у неё щёлкнули слишком громко.

— Нет, — сказала Мира. — Это то, что с тобой случилось.

— Оно выглядит как я.

— Оно всегда выглядит убедительно.

Я обнаружил, что крепко сжимаю телефон. Экран горел. В приложении экстренных вызовов значилось «НЕТ СЕТИ». Зато рядом появилась новая иконка: две линии, пересекающиеся крестом.

«НЕПРИНЯТАЯ ВЕРСИЯ: 1».

«ОПАСНОСТЬ: ВЫСОКАЯ».

«ДО СТАБИЛИЗАЦИИ: 04:32».

— Стабилизации чего? — спросил я.

Мира молчала.

Мёртвая Алиса повернула голову ко мне.

— Отдай, — сказала она.

Её голос напоминал шёпот через плотную мокрую ткань.

— Что отдать?

— То, что было моим.

Она вытянула руку. Рука оказалась слишком длинной. С каждым движением пальцы удлинялись на несколько миллиметров, пока не стали тонкими, как спицы.

— Я бы с радостью, — сказал я. — Но у меня сегодня уже списали то, о чём я не договаривался.

Тварь бросилась вперёд.

. . .

У этой истории есть нелепая подробность, о которой я долго никому не рассказывал: в первую секунду драки с собственным противоречием я попытался ударить его телефоном.

Не потому, что верил в силу современной связи. Просто телефон был единственным тяжёлым предметом в руке. Я размахнулся, попал по маленькой жёлтой фигуре — и ощутил, как экран проходит сквозь неё, будто через мокрый пар.

А потом жёлтые пальцы рассекли кожу у меня на предплечье.

Боль была настоящей. Кровь тоже. Существует что-то особенно обидное в противнике, на которого не действуют законы физики, но который сам пользуется ими с большим удовольствием.

— Не давайте ей коснуться Алисы! — крикнула Мира.

— А мне, значит, можно?

— Вам уже поздно!

В другое время я попросил бы уточнить, что это за диагноз. Сейчас было некогда.

Мира выдернула из пальто связку ключей и швырнула их через весь переход. Металл зазвенел по плитке. Мёртвая девочка резко повернула голову к звуку. Я ухватил настоящую Алису за капюшон и толкнул к лестнице.

— Беги! Не останавливайся!

— А тётя Мира?

— Сейчас мы все побежим. Даже те, кому это не нравится!

Алиса рванула к выходу.

С потолка раздался тяжёлый удар. Мёртвая девочка оказалась не там, где стояла. Она словно провалилась из одной секунды в другую, пропустив несколько шагов между ними. Теперь она висела над настоящей Алисой — подошвами кверху, лицом вниз, пальцы распластаны по воздуху.

Мира с силой хлопнула ладонями.

— АЛИСА! СМОТРИ НА МЕНЯ!

Живая девочка послушалась.

Мёртвая тоже.

На долю секунды их взгляды соединились, и обе закричали. Тело под потолком дёрнулось, словно его потянули за невидимый поводок. Мира отшатнулась, схватившись за голову. Из носа у неё потекла кровь.

— Две версии не могут долго видеть друг друга, — прохрипела она. — Бегите по правой стороне!

У лестницы трещало электричество. Две лампы разлетелись сразу, осыпав плитку стеклянным градом. Алиса накрыла голову руками. Я заметил то, чего не видел в панике: каждый раз, когда мёртвая девочка перемещалась, в воздухе оставался её предыдущий силуэт. На мгновение он мерцал, потом исчезал. Она не бегала. Она перепрыгивала из варианта в вариант, выбирая тот, где оказывалась ближе к цели.

А значит, ей нужно было показать неправильный вариант.

Скажи это вслух — и тебя справедливо попросят пройти обследование. Но в ту ночь у меня уже не было возможности быть здравомыслящим.

Я снял куртку и бросил её к левой стене.

— Сюда! — крикнул я, нарочно глядя туда же.

Мёртвая Алиса мелькнула слева. Её пальцы воткнулись в куртку. Ткань потемнела, будто за секунду пролежала под землёй десять лет.

— А теперь? — выдохнула Мира.

— Теперь она узнает, сколько стоит работа без инструктажа!

Я пнул по земле тяжёлый строительный фонарь, оставленный под стеной. Он лежал на длинном кабеле, ведущем к щитку ремонтной бригады. Фонарь ударился о плитку, стеклянный колпак разлетелся. Изнутри выскочила дуга синего огня.

Мёртвая Алиса стояла в луже возле стены.

Ток прошёл через воду.

Вопреки всем моим надеждам, тварь не загорелась и не рассыпалась пеплом. Она просто замерла, рот её беззвучно раскрылся. Над плиткой запахло палёной изоляцией. На лице под капюшоном проступили несколько чужих лиц — быстро, один за другим: старушка с седыми бровями, молодой солдат, женщина с выколотым глазом, старик в больничной маске. Не её лица. Не её жизни.

Мёртвая девочка смотрела на меня с чем-то похожим на ужас.

— Сколько вас? — спросил я, сам не понимая, зачем.

Она произнесла одним ртом сразу несколько голосов:

— Сколько вы вычеркнули.

Кабель взорвался искрами. Свет погас.

— Лев! — крикнула Мира.

Я нащупал её локоть, потом Алисины маленькие пальцы. Нас трясло, мы спотыкались о ступени, но лестница наконец оказалась под ногами, а над нами — влажный ночной воздух.

Мы выбрались наверх.

За спиной хлопнула дверь, которой минуту назад не было.

Улица выглядела обычной: красный светофор, автобусная остановка, два курьера ругаются из-за парковки. Мне захотелось подойти к ним и поблагодарить за то, что их проблемы имели понятный юридический статус.

Мира села прямо на мокрый асфальт. Алиса прижалась к

ней, дрожа всем телом.

Я повернулся к переходу.

Жёлтые ограждения стояли на месте. Цепь была натянута. Таблички «ОПАСНО ДЛЯ СМЕРТИ» не было.

И ещё кое-что изменилось.

На входе в переход висела камера наблюдения. Раньше она смотрела вниз. Теперь её объектив был развёрнут точно на меня. Красная лампочка на корпусе мигала слишком часто, будто устройство моргало от волнения.

На моём телефоне загорелась новая строка:

«СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПРАВКЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАНО».

«ДОСТУП: УРОВЕНЬ 0. СВИДЕТЕЛЬ».

«ДОСТУПНО: 1 ВОЗРАЖЕНИЕ».

«ПРОВЕДЕНО: 1 ВОЗРАЖЕНИЕ».

«НЕПОГАШЕННЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ: 1».

Ниже, совсем мелко:

«ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ НЕ НАЙДЕН».

Я перечитал последнюю строку трижды. У меня неожиданно заболели зубы.

— С этим что делать? — спросил я Миру, показав экран.

Она даже не взглянула.

— Не выходите под камеры.

— Очень своевременное замечание. Камеру я уже заметил, когда она начала со мной флиртовать.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Первый раз в жизни.

Мира встала. Она была белее бетона под мостом. На её шее больше не было следа. Зато под левым глазом появилась тонкая морщинка, которой раньше не было. Словно ночь успела прожить за неё несколько лет.

— Нам нельзя оставаться здесь, — сказала она.

— Куда идти?

— Туда, где не ведут учёт.

— В налоговую?

Мира посмотрела на меня таким взглядом, что я решил: с юмором пора подождать.

Но прежде чем мы сдвинулись с места, телефон Алисы — старый, розовый, с ободранным чехлом — завибрировал в её кармане. Девочка вытащила его, посмотрела на экран и нахмурилась.

— Мама пишет.

— Что именно? — быстро спросила Мира.

Алиса прочитала:

— «Алисочка, почему ты ещё жива?»

Я не сказал ничего. Не потому, что придумал особенно умную фразу, а потому, что слова на секунду превратились в бесполезные предметы.

Мира выхватила у девочки телефон.

— Ты говорила маме, куда идёшь?

Алиса упрямо поджала губы.

— Она сама меня привела.

Мы переглянулись.

— Потом сказала, что ей надо уйти, — добавила Алиса. — И что если я сделаю всё правильно, братик проснётся.

— Какой братик? — спросил я.

— Егор. Ему четыре. Он лежит в больнице, и всё время пищат эти штуки вокруг. Мама сказала, что я могу поменяться с ним местами. Ненадолго.

У детей есть удивительная способность произносить страшные вещи так, будто сообщают прогноз погоды. Я посмотрел на жёлтый дождевик, на маленькие пальцы, вцепившиеся в край рукава. И впервые за ночь понял, как всё могло начаться без магии: мать, отчаявшаяся спасти одного ребёнка, привела другого туда, куда ей сказали.

— Где мама сейчас? — осторожно спросил я.

— Не знаю. Она очень плакала, когда уходила. Я обещала, что не буду бояться.

Мира потёрла лицо ладонями.

— Вот как они теперь набирают добровольцев.

— Кто «они»?

Вместо ответа она указала на другой конец набережной.

К нам приближался мужчина в светлом плаще. Высокий, худой, с тёмным зонтом, хотя дождь уже перестал. Он шёл уверенно и неторопливо, не глядя по сторонам. На груди висел небольшой пластиковый пропуск.

Две вещи в нём выглядели не так.

Первая: каждый фонарь, под которым он проходил, на

несколько мгновений тускнел.

Вторая: люди не замечали его. Двое курьеров перестали ругаться и расступились, даже не повернув голов. Велосипедист объехал мужчину в последнюю секунду, как объезжают яму, которую видят краем глаза, но не успевают осознать.

— Инспектор, — прошептала Мира. — Не отвечайте на его вопросы.

— У меня за ночь накопилось много своих.

— Лев. Обещайте.

Мужчина подошёл достаточно близко, чтобы я прочёл надпись на пропуске.

«ОТДЕЛ СОГЛАСОВАНИЯ».

Под ней была фотография. На фотографии не было лица. Только белый прямоугольник с едва заметными линиями, будто кто-то стёр изображение ластиком и слишком поздно остановился.

— Доброй ночи, — сказал мужчина приятным голосом школьного завуча. — Прошу простить за задержку. Предыдущее происшествие потребовало неожиданно много бумаги.

Он достал из внутреннего кармана узкую папку и раскрыл её на ходу.

— Савина Мира Павловна, — произнёс он. — Зимина Алиса Константиновна. Остальные граждане могут продолжать движение.

— Я вообще-то не гражданин, — не удержался я. — Я ра-

ботаю в муниципалитете. У нас это считается смягчающим обстоятельством.

Мира толкнула меня локтем так, что я едва не согнулся.

Мужчина поднял глаза.

— Интересно. Вас я не вижу.

— Повезло вам. Я сегодня не в лучшей форме.

— Я не о внешности.

Он шагнул ко мне, и мне показалось, что улица на долю секунды сдвинулась под его подошвами. Не он приблизился — пространство сделалось короче.

Мужчина внимательно посмотрел на моё лицо. Потом на пропуск, потом снова на меня.

— Подскажите ваше имя, пожалуйста.

Мира больно сжала мою кисть. Её ногти врезались в кожу. Я увидел, как на моей ладони снова проступает крошечная медная точка. Там, где была дверная ручка.

Я промолчал.

— Вижу, вы ознакомлены с процедурой, — спокойно сказал инспектор. — Очень хорошо. На первый взгляд — мелочь, а экономит время всем участникам.

Он захлопнул папку.

— У нас имеется одно неоплаченное последствие, одна самовольно возвращённая гражданка и неустановленный источник возражения. Предлагаю решить всё без неприятностей. Вы отдаёте девочку, девушка проходит со мной для сверки, а молодой человек может отправляться домой.

— А что будет с Алисой? — спросил я.

— С ней произойдёт то, что уже произошло.

— Как удобно. Можно без подробностей и без совести.

— Совесть, к сожалению, не входит в перечень оснований для пересмотра.

Мира очень медленно повела свободной рукой к сумке.

Инспектор это заметил.

— Не стоит, Мира Павловна. Третья попытка нарушить протокол не принесёт вам больше удачи, чем первые две.

Её пальцы остановились.

Третья попытка.

Я посмотрел на неё, но она не отвела глаз от мужчины. Значит, это было не первое её знакомство с дверью и не первое спасение, которое она пыталась провернуть. И, возможно, единственный человек здесь, кто действительно понимал происходящее, не рассказал мне почти ничего.

— Вопрос на засыпку, — сказал я инспектору. — Если я не существую в ваших бумагах, по какой статье вы собираетесь меня задерживать?

— Я не собираюсь вас задерживать.

Он улыбнулся. Улыбка получилась безупречной, словно её распечатали по образцу.

— Прежде чем задерживать ошибку, нужно установить, кому она принадлежит.

Над мостом взвыл сиреной проезжающий автомобиль. Инспектор на мгновение повернул голову. Всего на мгнове-

ние. Но Мире хватило и его.

Она выдернула из сумки небольшой аэрозольный баллончик и нажала клапан. Серебристое облако ударило инспектору в лицо.

Тот не закричал. Даже не отшатнулся.

Только остановился и аккуратно произнёс:

— Это краска для рентгенологических исследований. Вы думаете, я недостаточно заметен?

На его коже начала проступать сетка тонких чёрных линий. Не сосуды. Почерк. Тысячи миниатюрных букв складывались в строки и исчезали, будто его лицо было страницей, которую кто-то быстро перелистывал.

— Нет, — ответила Мира. — Я думаю, что вы теперь заметны всем.

Фары машины, выехавшей из-за поворота, осветили набережную. Водитель увидел стоящего посреди дороги мужчину и резко нажал на тормоз. За ним загудел автобус. Курьеры наконец повернули головы.

Инспектор посмотрел на собственные руки, залитые серебристой жидкостью. На секунду его голос потерял человечность:

— НЕДОПУСТИМОЕ РАСКРЫТИЕ.

— Бежим! — крикнула Мира.

Мы побежали вдоль набережной. Алиса задыхалась, её маленькие ноги едва успевали за нами. Я подхватил её на руки и почти сразу пожалел об этом: спина после удара о ко-

лонну болела так, будто внутри завели ручную пилу. Но девочка обняла меня за шею и спрятала лицо, и стало невозможно даже подумать о том, чтобы опустить её на землю.

Позади раздался глухой треск — словно кто-то ломал огромную книгу пополам.

Мы свернули в узкий двор и нырнули под вывеску круглосуточной прачечной. За стеклом горел тёплый жёлтый свет. Между машинами для стирки стояли два пластиковых стула, автомат с конфетами и невероятно усталый фикус.

Мира распахнула дверь.

— Серафима! — позвала она. — Нужен запасной выход!

Из подсобки вышла старуха с пучком седых волос на макушке. На ней был фартук с надписью «НЕ ТРОГАЙТЕ МОЙ ПОРОШОК». Она оглядела нас, остановила взгляд на окровавленном моём рукаве и тяжело вздохнула.

— Опять, — сказала она. — Что, нормальные молодые люди окончательно перестали приходить стирать носки?

— Инспектор снаружи, — ответила Мира.

Старуха немедленно погасила свет у входа и задвинула железный засов.

— В сушилку номер шесть. Все трое.

Я посмотрел на огромную промышленную машину.

— Вы серьёзно?

— Молодой человек, я работаю по ночам сорок лет. Серьёзно я разговариваю только с сантехником.

Она открыла дверцу. За ней вместо барабана обнаружил-

ся тесный коридор с кафельными стенами. Внутри пахло горячим мылом и почему-то свежесрезанной травой.

Алиса тихо ахнула.

— Я люблю прачечные, — сказал я. — В них всегда можно рассчитывать на чудо.

Серафима захлопнула дверцу за нашими спинами. Послышался щелчок замка.

На несколько секунд вокруг стало темно. Потом впереди зажглась одна лампочка, и я увидел дверь с номером два.

Я почему-то почувствовал облегчение.

Всего две двери. Для сегодняшней ночи это было почти роскошью.

За дверью находилась крошечная комната: железный стол, три стула и старый принтер, подключённый к стене коротким кабелем. На столе стоял чайник. На чайнике приклеена записка: «КИПЯТОК НЕ ПРЕДЛАГАТЬ ТЕМ, КТО УЖЕ УМЕР».

Мира закрыла дверь на два поворота. Затем впервые за всё время присела, чтобы посмотреть Алисе в глаза.

— Ты справилась, — сказала она. — Я обещала, что выведу тебя. Теперь нам нужно найти Егора.

— Правда? — прошептала девочка.

— Правда.

Я сел на край стола. Вдоль предплечья сочилась кровь. Моя рука дрожала не столько от боли, сколько от внезапно нахлынувшего истощения. Это чувствовалось несправедли-

вым: спасение людей не должно было так сильно напоминать опоздание на электричку после десятичасовой смены.

— Теперь, — сказал я, — кто-нибудь может объяснить, за что именно я чуть не погиб?

Мира посмотрела на меня долго и почти с жалостью.

— Вы не погибли, Лев.

— Большое спасибо. Впервые за вечер у нас совпали версии событий.

— Я не об этом.

На столе ожил принтер.

Ни компьютер, ни электрический провод к нему подключены не были. Но в тишине отчётливо заскрипели ролики, и белый лист медленно вылез из пластикового лотка.

Мира вскочила. Лицо её стало каменным.

— Нет, — тихо сказала она. — Они не могли так быстро.

Я потянулся к бумаге раньше, чем она успела меня остановить.

Документ был отпечатан на казённом бланке, с гербом города в углу. Только герб выглядел неправильно: у привычной чайки с расправленными крыльями было не два глаза, а семь.

«РЕЕСТР НЕСОСТОЯВШИХСЯ СОБЫТИЙ».

«СВЕДЕНИЯ О НЕУЧТЁННОМ ЛИЦЕ».

«Фамилия, имя: Климов Лев Андреевич».

«Дата рождения: 19.05.1998».

«Дата смерти: 14.10.2008».

Я перечитал строчку дважды.

Потом ещё раз. Мозг пытался найти очевидную опечатку. Третья строка оставалась неизменной.

— Какое-то недоразумение, — сказал я. — Мне было десять. Я…

Я хотел сказать, что помню этот год. Школу, двор, отца, первый снег. И обнаружил, что помню их кусками, слишком разрозненно, чтобы из них можно было собрать непрерывную жизнь. Моё детство было похоже на полку, с которой кто-то уже забрал самые важные книги, оставив корешки для красоты.

Ниже в документе стояло:

«Основание смерти: первое возражение».

«Статус: смерть утверждена. Исполнение отложено».

«Количество отсрочек: 17».

Я медленно поднял голову.

— Мира. Что значит «семнадцать»?

Она не ответила.

Принтер зажужжал снова и выдал второй лист.

На нём была старая фотография: комната с зелёными обоями, игрушечный космонавт на подоконнике. Я — десятилетний, в пижаме, держу лист с надписью «НЕ СОГЛАШАЙСЯ».

Но теперь я видел то, чего не заметил в фотографии на телефоне.

В правом нижнем углу, возле моей босой ноги, сидела ма-

ленькая девочка. Года три, не больше. Она держала мою ладонь и смотрела прямо в объектив.

Я знал её лицо.

Я только что вынес её из перехода на руках.

Алиса стояла рядом со мной и тоже смотрела на фотографию.

— Ой, — сказала она. — А я думала, ты меня не помнишь.

Под фотографией была последняя строчка:

«СРОК ВОСЕМНАДЦАТОЙ ОТСРОЧКИ ИСТЕКАЕТ В 03:00».

И пока я пытался понять, как восьмилетняя девочка могла

быть на снимке, сделанном восемнадцать лет назад, дверная ручка номер два медленно повернулась с той стороны.

ГЛАВА 2
Дверь номер два

Когда ручка начала поворачиваться, я вдруг вспомнил, что всю жизнь боялся не смерти.

Я боялся, что в последний момент мне придётся открывать кому-нибудь дверь, а я окажусь в трусах.

На мне, к счастью, были джинсы. Смерть явно собиралась разочароваться.

— Не двигайтесь, — шепнула Мира.

— Отличный план. Я его практикую с момента рождения.

Медная ручка сделала четверть оборота. Из-под двери потянуло холодом и запахом речной тины. Сверху, там, где заканчивался косяк, медленно выступила капля. Она была чёрная, как чернила, и никак не решалась упасть.

Серафимы в комнате не было. Мы оставили её у входа в прачечную, чтобы она отвлекала инспектора, и теперь с каждой секундой это решение становилось всё более похожим на некролог.

Мира схватила Алису за плечи и усадила за железный стол.

— Смотри на чайник, — приказала она.

— Зачем?

— Потому что я попросила.

— Взрослые всегда так говорят, когда не знают ответа.

— Поэтому мы и взрослые.

Дверь приоткрылась на толщину пальца.

— Лев Андреевич? — раздался снаружи негромкий голос. — Вы ещё здесь?

Я похолодел.

Это был мой голос.

Не похожий. Не записанный на телефон. Мой собственный, с той дурацкой хрипотцой, которая появлялась после третьей чашки кофе. Только говорил он медленнее, будто каждое слово сначала взвешивали на кухонных весах.

— Нет, — ответил я. — Уехал в отпуск. Надеюсь, надолго.

Мира резко обернулась.

— Молчите!

— Вы поздно предупредили. Я уже вступил в конфликт с самим собой.

За дверью кто-то коротко рассмеялся.

— Шутить умеешь, — сказал мой голос. — Значит, ещё не начали.

— Что не начали? — спросил я.

— Тебя вычитать.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял мальчик лет десяти в промокшей синей школьной форме. Волосы прилипли ко лбу. На правой щеке белела тонкая царапина в форме скобки. Такую же я каждое утро видел в зеркале, если, конечно, не забывал умываться.

Лицо мальчика было моим.

Но рот говорил голосом меня взрослого.

Он держал прозрачный пакет, в котором лежали сложенный лист бумаги и красный детский носок. Пакет был мокрым изнутри.

Я попытался спросить, кто он. Вышло только:

— Мама родная.

— Не моя, — сказал мальчик и вошёл.

Мира рванулась к нему, но остановилась, увидев на его шее обрывок верёвки. Под воротником школьной рубашки темнел отпечаток чужих пальцев.

— Ты не должен приходить, — произнесла она.

— Я и не пришёл. Я не случился.

Мальчик поставил пакет на стол. Алиса подняла глаза от чайника.

— Привет, — сказала она.

Он посмотрел на неё так, будто увидел солнце из-под земли.

— Ты стала большая.

Алиса хотела подойти, но Мира перегородила ей путь.

— Это не тот, кого ты знаешь.

— Я вообще мало кого знаю, — заметила Алиса. — Но он разговаривает как Лев, если Льву выдать дневник с двойкой.

Мальчик улыбнулся. И улыбка у него была неправильная. Не страшная: наоборот, слишком знакомая. Ею я когда-то пытался убедить взрослых, что разбитая ваза была несчастным случаем, а не хорошо спланированным покушением.

— У тебя время идёт? — спросил мальчик меня.

Я посмотрел на часы. 02:34:08.

— К сожалению.

— Тогда не трогай пакет до трёх.

— А после?

— После ты уже не сможешь.

На его мокрой рубашке проступили белые буквы, словно ткань впитывала их из воздуха.

«ОБЪЕКТ НЕ ДОСТАВЛЕН».

«ПОПЫТКА ВРУЧЕНИЯ: 18».

Мира зажала рот ладонью.

— Господи, — сказала она. — Они прислали расписку.

— Я из плоти и крови, между прочим, — возразил мальчик. — Можешь потрогать. Только не за голову. Отваливается.

Мне показалось, что он сейчас разрыдается. Вместо этого мальчик неловко поправил воротник и посмотрел на меня.

— Ты снова забыл, да?

Я не нашёлся что ответить. Позабыть кого-то — неприятно. Забудешь ключи, и за тебя переживает только собственная дверь. Забудешь ребёнка с твоим лицом, и он это замечает.

— Впервые вижу, — выдавил я.

Мальчик кивнул с таким видом, словно услышал привычную плохую новость.

Из коридора донёсся тяжёлый щелчок. Потом второй. Будто большой механизм перебирал зубцами засовы.

— Сколько? — спросил мальчик у Миры.

— Двадцать шесть минут.

— Не про время. Сколько дверей ты сейчас видишь?

Мира посмотрела через его плечо.

Я тоже.

За мальчиком в узком коридоре, где ещё недавно было всего одно ответвление к сушилке, стояло шесть дверей. Они тянулись в темноту одна за другой. На последней висела металлическая табличка «18».

— Так, — сказал я. — Похоже, управляющая компания решила расширить жилплощадь.

Мальчик резко схватил меня за рукав. Его пальцы оказались ледяными, но вполне материальными.

— Не считай вслух, — попросил он. — Ему нравится, когда считают.

За дальней дверью что-то тихо заскреблось.

Сначала словно когтем. Затем ногтями. Затем десятками рук.

Мальчик наклонился к моему уху.

— Ты думаешь, они пришли забрать твою жизнь. Нет. Они пришли вернуть все остальные.

И тут сзади, из старого принтера на столе, вылез новый лист.

«НАЧАТО ИСПОЛНЕНИЕ ОТСРОЧЕННОГО ИСХОДА».

«ОБЪЕКТ: КЛИМОВ Л. А.».

«ПОДГОТОВКА: 26 МИНУТ».

«ПРИМЕЧАНИЕ: ПРИ ОТСУТСТВИИ ОБЪЕКТА ДО-

ПУСКАЕТСЯ ВЗЫСКАНИЕ С ПРИСУТСТВУЮЩИХ».

Я прочитал последнюю строку.

— Вот это уже личное.

Мальчик отступил на порог. За ним шесть дверей превратились в семь.

— Передай Серафиме, — сказал он, — что сорок лет — достаточный срок. И что бельё в октябре тогда не высохло.

— В каком октябре?

Он посмотрел на меня с печальной осторожностью.

— В том, после которого ты перестал расти правильно.

Его фигура вдруг сжалась, как мокрая фотография на огне. Никаких костей, никакой крови — только мальчик, который стал тоньше бумаги, сложился пополам, ещё раз и исчез в щели между дверью и косяком.

В комнате остался мокрый пакет.

И красный детский носок.

. . .

— Понятно, — сказал я. — Хочу уточнить одну профессиональную деталь. Это была детская травма или просто муниципальная почта?

Мира села. Не потому, что устала. Ноги под ней буквально подогнулись.

— Я думала, он больше не сможет появиться.

— Кто?

Она молчала.

— Мира, в моём возрасте трудно переносить семейные тайны. Особенно если их узнаёшь от себя десятилетнего.

— Я не знаю, кто это, — сказала она наконец.

— Ты назвала его распиской.

— Я знаю, что он делает. Не кто он.

Она посмотрела на пакет, словно боялась, что тот зашевелится.

— При каждой отсрочке остаётся подтверждение. Должно остаться. Кто-то должен принести бумагу тому, кто получил лишнее время. Но до сих пор подтверждения приходили по почте. Нормальной. С марками, печатями, иногда с идиотской рекламой автокредитов.

— Теперь доставка с личным оскорблением. Прогресс.

— Его послали не чтобы напугать. Если бы инспектор нашёл сюда дорогу, он бы уже вошёл. А этот... — Мира запнулась. — Этот показал, сколько осталось.

— Ты знала мальчика?

— Я видела его однажды. На другом конце третьей двери.

— Когда?

— В прошлый четверг.

По спине у меня прошёл холодок. Именно в прошлый четверг я плакал в автобусе, и сам не мог толком объяснить, почему. Лицо мальчика, автобусное окно, чья-то ладонь на стекле — всё это на секунду совместилось в голове, как прозрачные листы. Потом исчезло, оставив тупую боль за глаза-

ми.

— Почему ты не рассказала раньше?

— Потому что в первый раз я не поверила, что он настоящий. А во второй раз он попросил меня не говорить тебе.

— У тебя удивительно широкий круг знакомств, где никто не хочет мне ничего объяснять.

— Я не сказала, что послушалась его, — тихо ответила она. — Просто до этой ночи у меня не было возможности проверить, от кого он нас спасает.

Я хотел потребовать подробностей. Но Алиса осторожно подёргала меня за рукав.

— Лев. У меня живот болит.

Она побледнела. Её пальцы пахли дождевой водой и чем-то сладким, вроде клубничной пасты. Мне до странности захотелось купить ей булочку. Вот так и устроен человеческий мозг: рядом семь дверей, за которыми скребётся неизвестное, а он предлагает добавить сахара в кровь.

— Сильно? — спросил я.

— Нет. Только когда я думаю про Егора.

Я присел перед ней.

— Мы его найдём. Но сначала нужно понять, почему за мной пришли люди, которых я не помню.

— Не люди, — поправила Алиса.

— Спасибо. Сразу легче.

— Они грустные. Как Егор, когда ему нельзя домой. Просто если грустить очень долго, начинаешь злиться.

Мира резко выдохнула.

— Алиса, откуда ты это знаешь?

Девочка пожала плечами.

— Я же была за дверью.

На несколько секунд мы все замолчали. В её словах не было мистики. Она произнесла их так же спокойно, как другие дети говорят, что были в стоматологии. Мне это и показалось самым жутким.

Снаружи раздался стук в металл. Три коротких удара, один длинный.

Серафимин голос сказал:

— Открывайте, хорошие мои. Или мне начать разбирать стену, как в прошлый раз?

Мира кинулась к двери, но я ухватил её за локоть.

— Мальчик пришёл твоим голосом? — спросил я.

— Твоим.

— А сейчас бабушка, которая застряла снаружи, говорит, что умеет разбирать стены. По мне, надо провести дополнительную проверку.

— Внуков у меня нет, а терпение заканчивается! — рявкнула Серафима. — И если вы там опять воюете с отражениями, оставьте одну руку для швабры!

Мира открыла.

Серафима стояла с корзиной мокрого белья. На её фартуке появилась жирная полоса чёрной краски. Один карман был порван. Седые волосы выбились из пучка и торчали, как

антенны, настроенные на самую плохую радиостанцию.

— Инспектор? — спросила Мира.

— Сидит у меня за стойкой. Попросил книгу жалоб. Я дала ему телефон городского архива. Пусть сначала узнает, что такое безнадёжность.

— Он знает, где мы?

— Разумеется. Но знает, что до трёх помещение не подлежит описи. Я его сама так зарегистрировала в девяносто втором. Тот ещё был год. Даже бумажные бланки пахли бедой.

Она заметила пакет.

Корзина упала на пол.

— Нет, — прошептала Серафима.

Я видел, как люди пугаются: Лада, Мира, даже я сам. Серафима испугалась иначе. Её лицо не побледнело. Оно вдруг стало старым. Не семидесятилетним, как прежде, а невероятно древним, как фотография дома, которого давно нет.

— Он был здесь? — спросила она.

— Мальчик, — ответил я. — С моим лицом.

Серафима закрыла дверь, ещё раз заперла и прислонилась к ней спиной.

— Он сказал про октябрь? — еле слышно спросила она.

— Сказал, что бельё не высохло.

Она зажмурилась.

— Дурак, — произнесла она. — Маленький несчастный дурак. Даже сейчас об этом помнит.

— О ком вы говорите?

Вместо ответа Серафима взяла с полки кухонные ножницы и разрезала прозрачный пакет.

— Мальчик сказал не трогать до трёх! — выпалила Мира.

— Мальчик сказал не трогать тебе, — ответила старуха. — А я его в детстве пеленала. И у меня уже нет сил терпеть его воспитательные эксперименты.

Я уставился на неё.

— Вы меня знаете?

— Знаю, Лёва. Только ты с каждым разом спрашиваешь всё более глупые вещи.

Она вытащила из пакета лист бумаги. Это оказалась квитанция прачечной. На розовом бланке был указан один предмет: «ДЕТСКАЯ РУБАШКА, 1 ШТ.». Дата приёмки: 14 октября 2008 года.

В графе «Владелец» стояло моё имя.

А в графе «Получатель» — длинная пустая строка. От неё тянулась неестественно прямая чёрная черта, уходившая за край листа на пальцы Серафимы.

— Это плохой знак? — спросил я.

— Знаешь, что в стирке самое неприятное? — спросила старуха.

— Когда оба носка вернулись, но они чужие?

— Когда сдаёшь одну вещь, а на выдачу требуют восемнадцать человек.

Она медленно положила лист на стол.

— Надо успеть до трёх. Иначе за тебя расплатятся здесь

все. В том числе ребёнок.

. . .

Страх — довольно полезное чувство. Он собирает в одну кучку вопросы, которые раньше стояли в очереди, и поджигает очередь.

— Давайте без загадок, — сказал я. — В восемьдесят четвёртом я ещё не родился, в две тысячи восьмом мне было десять, а сейчас за мою смерть счёт выставляют девочке в дождевике. Что здесь правда?

— Всё, — ответила Серафима. — В этом и несчастье.

Она придвинула второй стул. Села тяжело, будто за последние пять минут прошла не коридор, а всю свою жизнь.

— Я стирала больничное бельё, — начала она. — Давно. Когда больницы ещё не называли пациентами клиентов. В октябре две тысячи восьмого принесли рубашку мальчика. С пятнами, которые не удалось вывести даже хлором. На бирке написали: «Климов. Десять лет. Возврату не подлежит».

Я дёрнул ворот своей рубашки. Вдруг захотелось убедиться, что под ней есть кожа.

— И вы решили оставить вещь?

— Нет. Я пыталась её сжечь. Трижды. Каждый раз утром она висела на верёвке, мокрая, как после речной воды. В конце я положила её в ящик, оформила квитанцию и заперла. Нельзя спрятать то, чего не произошло. Но иногда можно

перестать отдавать.

Мира подняла фотографию из первого листа.

— На снимке Алиса. Почему?

— Это уже не мой ответ, — сказала Серафима. — Я тогда видела девочку. И не одну. Но сейчас, если начну рассказывать, у вас появится больше вопросов, чем минут.

— У меня сейчас двадцать четыре минуты. Можете влезть примерно в две тысячи вопросов.

Старуха посмотрела на меня устало.

— Лёв, твоя первая смерть была не единственной. Тебя каждый раз не стало, и каждый раз кто-то заставил мир сделать вид, что ошибся. Семнадцать раз. Понимаешь? Это не семнадцать лет жизни. Это семнадцать раз, когда у события забрали подпись.

— Кто забрал?

Она коснулась красного носка на столе. Мягко, кончиками пальцев, словно трогала крыло умирающей птицы.

— Тот, кто ещё умел просить за тебя.

Мира резко выпрямилась.

— Серафима. Довольно. Вы говорите слишком много.

— А вы слишком мало. Результат перед нами, — старуха кивнула на меня. — Взрослый человек впервые за двадцать восемь лет узнал, что ему нужно доказать, будто он жив.

Из принтера выехала новая бумага.

«ПОДГОТОВКА: 22 МИНУТЫ».

«ВЫЗОВ СВИДЕТЕЛЯ: ОТКЛОНЁН».

«ПРИЧИНА: ВОЗРАЖЕНИЕ ПОЛУЧАТЕЛЯ ОТСУТСТВУЕТ».

— Вот, — сказала Серафима. — Спорить ты пока не можешь. Право израсходовал в переходе. Но кто-то может засвидетельствовать, что сегодняшний акт составлен неправильно.

— Я жив. Этого недостаточно?

— Для них — нет. Для них ты бумага. И пока ты бумага, тебя можно сложить пополам.

Я достал телефон. Экран был весь в трещинах после перехода, но приложение аудита всё ещё открывалось. На нём висела та самая запись с номером 441-08.

— Я работаю с документами, — сказал я. — Идеальный момент для профессионального выгорания. Что именно неправильно?

Серафима развела руки.

— В восемнадцатой отсрочке указано, что твоя смерть состоится в три. В акте первого исхода указано, что ты умер в десять лет. Два утверждения сами по себе не противоречат друг другу. Первое — долг, второе — срок оплаты.

— До сих пор звучит как банковский договор.

— В банке хотя бы можно поговорить с живым человеком. Здесь — нет. Но в любой смерти должен быть свидетель, и он должен знать, чьё событие удостоверяет. Иначе это не акт. Это слух.

Мира нахмурилась.

— Серафима, вы хотите подать встречное свидетельство?

— Я хочу, чтобы он сам нашёл ошибку. Иначе ему и следующей ночи не пережить.

Она пододвинула мне квитанцию. На бумаге кроме даты и имени были семь цифр, оттиснутых на краю. Я провёл по ним пальцем. Они были выпуклыми, как брайлевская строка.

— Восемнадцать попыток доставки, — сказал я. — Но на бумаге только семь цифр.

— Считай не цифры, — сказала Серафима. — Считай то, чего нет.

Я посмотрел на бланк ещё раз. У прачечной был стандартный отрывной талон: номер, дата, предмет, владелец, подпись сдающего, подпись получателя. Здесь поле «подпись сдающего» отсутствовало. Не было даже печатного названия графы. Между именем и датой осталась гладкая полоска.

— Сдал не человек, — сказал я.

Серафима не ответила.

— Документ должен содержать подпись сдающего. Если её нет, кто-то взял вещь без подтверждения владельца. Но почему тогда вы приняли?

— Потому что в тот день мальчик уже не мог расписаться, — произнесла она.

Я почувствовал, как стынут пальцы.

— То есть бумага доказывает, что я был мёртв.

— Бумага доказывает, что рубашку принесли без тебя.

Она не доказывает, что это была твоя рубашка.

Мира наклонилась к столу.

— Бирка. Номер дела на бирке.

— Она не сохранилась, — сказала Серафима.

— Зато сохранилась запись, — ответил я.

Я открыл файл 441-08. Теперь в метаданных была строка, которой раньше не существовало: «ПЕРВОИСТОЧНИК — 14.10.2008». Последний номер совпадал с датой на квитанции.

— Вот как, — прошептал я. — Одна смерть звонит с опозданием на восемнадцать лет.

За дверью кто-то медленно провёл ногтем от косяка до пола. Звук напоминал, как по стеклу царапают песком.

На часах стало 02:39.

Серафима посмотрела на дверь и отодвинула стул.

— Пора в машинный зал. Нам нужна не бумага. Нам нужна вещь, которую кто-то пытался вернуть вместо мальчика.

— Вещь, которую пытались вернуть вместо мальчика, — повторил я. — Это вы сейчас про меня или про рубашку?

— Не льсти себе. Рубашка хотя бы после стирки становилась чище.

Серафима приподняла край стола и нажала на скрытую защёлку. За стеной загудели двигатели, а крошечная комната вдруг наполнилась теплым запахом стирального порошка. Узкая дверь, в которую стучался мальчик, теперь вела не к семи странным дверям, а на площадку над машинным залом.

Внизу рядами стояли стиральные машины. Двадцать четыре штуки, размером с небольшие автомобили. Все работали. За круглыми стёклами вращались полотенца, простыни, белые рубашки. Нормальная прачечная, если не смотреть на то, что через каждое третье стекло вместо белья видно было тёмную воду. В одной машине на секунду вспыхнуло лицо мужчины, прижатое щекой к барабану. Он беззвучно попросил о чём-то, и стекло снова запотело.

Алиса схватила меня за руку.

— Они там тонут?

— Нет, милая, — сказала Серафима. — Они там ждут.

Мне очень хотелось узнать, что хуже. Я благоразумно не спросил.

У старухи был металлический шкаф с восемнадцатью ящиками. Семнадцать оказались закрыты на маленькие навесные замки. У последнего вместо замка висел красный носок, приколотый английской булавкой.

— Я храню не все вещи, — объяснила Серафима. — Только те, которые мир пытался выдать за чьи-то доказательства. Это как бюро находок. Только здесь сами люди приходят уже после того, как их нашли.

— Вы пытаетесь меня напугать?

— Нет, милый. Ты пугаешь меня без всякой помощи.

Она открыла восемнадцатый ящик. Внутри лежал свёрток из серой ткани. Старуха развязала узел, и я увидел детскую рубашку в синюю клетку. Ткань задубела по вороту. На од-

ной стороне остался почти чёрный след, а на внутреннем шве белела маленькая бирка с напечатанным номером.

«441-08».

Тот же номер, что на ночном вызове.

— Откуда у рубашки номер телефона? — спросил я.

— Это не телефон, — сказала Мира. — Это номер события. Ваши аудиозаписи — только человеческая копия того, что они называют первоисточником.

Я вдруг вспомнил, как легко Лада нашла вызов, будто ждала его. Двенадцать телефонов, зазвонивших разом. Её просьба не считать двери. Кто-нибудь когда-нибудь вообще собирался рассказывать мне правду, если бы я просто сидел за столом и не трогал кофе?

Серафима вывернула рукав рубашки. Под манжетой были две подписи. Одна — её: круглые, неровные буквы «С. А.». Вторую выполнили той же ручкой, но без нажима, словно невидимый человек повторил движение вслед за ней.

«Свидетель С. А. Серафима».

— Эту подпись я ставила, когда приняла вещь, — сказала старуха. — А здесь написано, будто я удостоверила смерть. Смотри. Пятно от чернил одинаковое. Даже клякса на конце. Они не подделали подпись. Они использовали мою настоящую, но к другому событию.

— А вы видели, как умер тот мальчик?

Серафима пристально посмотрела на меня.

— Нет.

Одно короткое слово прозвучало громче работающих машин.

— Я видела рубашку, — продолжила она. — Потом мальчика, которого привели ко мне ночью. Он дрожал. Боялся темноты. У него на щеке была царапина. Я ещё думала, какой же человек отправит ребёнка одного под дождь. Но того, как он умер, я не видела.

— И поэтому ваше свидетельство об этой смерти — ложное.

— Подлинное, но не о том. В этом разница, Лёва. Подделку они могут исправить сами. Подлинная подпись, которой дали чужой смысл, — их ошибка.

Я почувствовал первый за ночь проблеск чего-то, похожего на профессиональную радость. Вот бы мои преподаватели узнали, что университет всё-таки пригодился. Правда, дипломом я теперь собирался отмахиваться от смерти.

— Нужно доказать, что акт составлен с неверной привязкой к событию, — сказал я. — Вы подписывали приём рубашки. Они считают, что вы видели смерть. Значит, свидетельство недействительно.

— Именно.

— И тогда они вернут мне жизнь?

Серафима погладила манжет.

— Нет. Тогда им придётся остановить исполнение до разбирательства.

— А разбирательство?

— Обычно начинается с убийства того, кто подал жалобу.

— Уважаю последовательность. Сначала делопроизводство, потом кадровые изменения.

Внизу резко остановилась одна из машин.

Моторы продолжили гудеть, но барабан под номером шесть перестал вращаться. За его стеклом появилась чья-то ладонь, мокрая и очень бледная. Она медленно постучала изнутри.

— Инспектор? — спросила Мира.

Серафима покачала головой.

— Хуже. Вручение.

На экране моего телефона выскочило предупреждение.

«ПОДГОТОВКА: 13 МИНУТ».

«ПОЛУЧАТЕЛЬ НЕ УСТАНОВЛЕН».

«ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ АДРЕС: ЛИЦА, ПРИСУТСТВУЮЩИЕ ПРИ ВОЗРАЖЕНИИ».

На машинном зале погасла половина светильников.

Алиса всхлипнула. Её жёлтый капюшон вдруг стал мокрым, хотя дождевик давно высох. На полу под её сапогами появилась лужица чёрной воды.

— Она опять здесь, — прошептала девочка.

Внутри шестого барабана, где только что была ладонь, показалось жёлтое ухо капюшона.

Мёртвая Алиса прислонила лицо к стеклу.

Она не пыталась вырваться. Просто смотрела на живую девочку широко раскрытыми глазами, как смотрят в окно

автобуса, который уезжает без тебя.

— Отдай, — беззвучно шевельнулись её губы.

— Ничего ей не отвечай, — сказала Мира.

— Я не собираюсь. У меня и так перед ней моральный долг, — ответил я.

Но настоящая Алиса сделала к стеклу маленький шаг.

— Она же не виновата, — прошептала она.

Я оттянул её назад. В ту же секунду из-под крышки машины вырвалась тонкая жёлтая полоска ткани, метнулась к девочке и разрезала воздух там, где секунду назад было её горло.

Я успел отшатнуться. Полоска ударила в перила и прошила железо, как бумагу.

— Вот поэтому, — сказал я, не сводя глаз с ткани, — мы сначала выясним, кто виноват, а потом обниматься.

Серафима ударила по большой красной кнопке на стене. Все машины одновременно заскрипели и пошли на максимальных оборотах. Зал загудел, словно под ним проснулся реактивный двигатель. Жёлтая полоска дёрнулась, натянулась и исчезла обратно в барабан.

— У вас много таких устройств? — крикнул я сквозь грохот.

— Нет! Только шесть!

— Машин двадцать четыре!

— Я про тех, из которых кто-нибудь пытается вылезти!

Тёмная вода в шестом окошке побелела от пены. Мёртвая

девочка исчезла. Но на внутренней стороне стекла осталось отпечатанное слово:

«ЗАЧЕМ?»

Я смотрел на него, пока пена не стёрла буквы. Потом понял, что отвожу глаза от ребёнка, которого сам обрёк на эту сторону.

. . .

Серафима повела нас по металлической галерее к старому пульту управления, прикрученному над самой большой машиной. На пульте стоял телефон с диском набора. Он был даже старше меня, что в нынешних обстоятельствах не являлось надёжным критерием.

— Отсюда можно подать свидетельство напрямую, — сказала старуха. — Пока машина шесть крутится, нас не включат в опись. Сколько у нас?

— Десять минут, — сказала Мира.

— А на подготовку?

— Меньше пяти.

— Значит, будем делать быстро. Я не люблю, когда клиенты умирают до оплаты.

Серафима сняла трубку. Вместо гудков раздался женский голос:

— Добро пожаловать в отдел учёта несостоявшегося. Для регистрации смерти нажмите один. Для оформления возра-

жения нажмите два. Для разговора с живым сотрудником дождитесь следующей жизни.

— У вас даже загробный мир на аутсорсе, — сказал я.

Старуха набрала двойку.

— Право на возражение использовано, — сообщила трубка. — Повторная подача невозможна.

— Свидетельство о несоответствии, — сказала Серафима.

— Назовите удостоверенное событие.

— Приём детской рубашки на стирку четырнадцатого октября две тысячи восьмого года.

— Совпадение с подтверждённым актом смерти: сто процентов.

— Нет, — сказала старуха так отчётливо, словно отрезала нитку. — Я не видела смерти.

Наступила пауза. Машины продолжали гудеть, и из коридора уже доносились тяжёлые шаги. Впервые за ночь я услышал, что наш противник спешит. Значит, мы наконец делали что-то правильно.

— Уточните формулировку, — произнёс голос в трубке. — Вы отказываетесь от собственного свидетельства?

— Я свидетельствую о другом событии.

— Внесение изменений в утверждённый исход потребует платы.

— Назовите её.

Голос стал мягче. От этого он только сильнее напоминал

рекламного робота, который хочет продать тебе ипотеку на могилу.

— Плата взимается с свидетеля. Будет изъята память, связывающая его с удостоверяемым лицом. Объём определяется продолжительностью связи.

Я схватил Серафиму за запястье.

— Нет.

Она посмотрела на меня без удивления.

— Лев, убери руку.

— Вы понимаете, что это значит?

— Да.

— Вы меня знаете с детства. Возможно, вы единственный человек, который помнит, что случилось в две тысячи восьмом.

— Похоже, да.

— И вы готовы отдать это ради ещё одной отсрочки?

Серафима сняла с моего запястья свои пальцы. Они были жилистыми, с длинными узлами суставов, но тёплыми. Человеческими.

— Не ради отсрочки, — сказала она. — Ради того, чтобы у тебя наконец появился выбор. Тогда его не было.

Мне в голову пришла мысль, от которой стало стыдно. Я хотел, чтобы она согласилась. Мне хотелось жить. И одновременно я ненавидел себя за эту простую, животную потребность.

— Должен быть другой способ, — сказал я.

— Найди. У тебя осталось семь минут.

На телефоне высветилось сообщение: «ПОДГОТОВКА: 07:14».

Мира отвела Алису к лестнице. Снизу послышался спокойный, вежливый голос инспектора:

— Серафима Аркадьевна, вы злоупотребляете исключением из учёта. Согласно последней редакции, частная прачечная не может одновременно являться местом укрытия и пунктом приёма жалоб.

— Зато может являться местом, где ваши брюки после стирки возвращают на размер меньше! — крикнула старуха.

— Это угроза?

— Профессиональная!

Мужчина в светлом плаще появился под галереей. Серебристая краска на его лице высохла и растрескалась, словно он носил маску из дешёвой фольги. Там, где краска облупилась, я видел не кожу, а серые строчки мелкого текста. Зонт он теперь держал закрытым, как трость.

— Доброй ночи, — сказал инспектор, глядя наверх. — До истечения срока пять минут. Предлагаю не осложнять неизбежное.

— У нас семь, — автоматически возразил я.

Инспектор перевёл взгляд на настенные часы.

И они перескочили сразу на две минуты вперёд.

02:55:02.

— Теперь пять, — сказал он.

Я посмотрел на свои часы. Они тоже показали 02:55. Секундная стрелка подрагивала, точно её кто-то удерживал за хвост.

— Понятно, — сказал я. — Он просто ворует минуты. У нас в муниципалитете за такое дают премию.

— Я ничего не украл, — ответил инспектор. — Удалено неиспользуемое время. На практике разницы нет.

Он сделал шаг к лестнице.

Мира подняла тот самый баллончик с рентгеноконтрастной краской. Инспектор вздохнул.

— Мира Павловна, если вы снова раскрасите меня, я вынужден буду составить ещё один акт. Вы ведь не хотите, чтобы мы оба умерли от скуки?

— Вы убиваете людей!

— Согласовываю исходы, — поправил он. — Иногда это совпадает.

Его плащ шевельнулся, хотя воздуха в зале не было. По перилам пробежала волна: металлические прутья стали белыми листами бумаги, исписанными именами. С краю первой страницы уже проступало моё.

— Кто вы? — спросил я.

— Человек, которому достался крайне неблагодарный участок работы.

— Вы хоть раз не исполнили приказ?

Он посмотрел на меня с неожиданным вниманием.

— Разумеется. Именно поэтому я здесь.

Ответ был таким странным, что я чуть не пропустил движение его руки.

Инспектор щёлкнул пальцами.

Серафимин дисковый телефон исчез. Не упал, не погас. Стол под ним стал гладким, будто аппарата никогда не существовало.

Из пустоты ещё секунду слышался голос:

— Для подтверждения платежа произнесите «согласен».

Потом он оборвался.

Серафима стояла с пустой рукой у уха.

Я выругался. Алиса испуганно посмотрела на меня. Пришлось мысленно прибавить к списку нарушений ещё и воспитательное.

— Без канала связи ничего не подашь, — спокойно сказал инспектор. — Давайте закончим до срока. Я предпочёл бы не привлекать свидетелей, тем более несовершеннолетних.

Он начал подниматься по лестнице.

Время 02:56:13.

Мира перегородила ступени. Я хотел кинуться ей на помощь, но вдруг увидел на рукаве рубашки маленькую кляксу. Ту самую, что Серафима показала у обеих подписей. Одна чернильная капля, два документа. Одна запись, два события. И главное — мой обычный телефон, на котором сохранился вызов.

Звонок пришёл из будущего и был привязан к акту из прошлого. Если машина может отправить голос из одной смер-

ти в другую, значит, она принимает не только звонки. Она принимает несоответствия.

— Мира! — крикнул я. — Какой номер у вашего первого звонка?

Она обернулась.

— Что?

— Когда вы позвонили мне из перехода! Вы набирали экстренную службу?

— Да! Я отправила сообщение на общий шлюз. Там был только один свободный номер!

— А голос оператора?

— Программа воспроизведения! Я не разговаривала с человеком!

Всё встало на место. Та запись не была предупреждением, случайно оказавшимся в нашем отделе. Это была доставка в нужное дело. Номер 441-08 — адрес. Мира пыталась пробить Реестр через обычную экстренную службу; запись пришла именно ко мне, потому что я уже был прикреплён к тому же событию.

Я открыл аудиофайл. На экране всё ещё была кнопка «РЕЗУЛЬТАТ ПРОВЕРКИ», которую я не успел нажать в офисе.

Три варианта: «Ошибка маршрутизации», «Данные повреждены», «Повторная регистрация неверна».

Моя работа заключалась в том, чтобы отмечать несоответствия. Иногда их исправляли за месяц, иногда — никогда. Но самое главное: после подтверждения запись нельзя

было удалить без независимой проверки. Это правило ввели потому, что однажды начальник стёр шесть жалоб на себя и получил повышение.

Я нажал «Повторная регистрация неверна».

Приложение спросило: «Указать причину?»

Я написал: «Свидетель смерти 14.10.2008 подтверждал приём рубашки на стирку. Смерти не видел. Первичная запись 441-08 неверно использует свидетельство другого события. Требую сверки первоисточника».

— Это ничего не даст, — сказал инспектор. — Вы не имеете права на второе возражение.

— А я и не возражаю, — сказал я. — Я подаю жалобу на качество обслуживания.

На экране появилось поле: «ПОДТВЕРЖДАЮЩИЙ СВИДЕТЕЛЬ».

Я указал имя Серафимы.

«СВИДЕТЕЛЬ ДОСТУПЕН».

«ЦЕНА: ПАМЯТЬ О СВЯЗИ С УДОСТОВЕРЯЕМЫМ ЛИЦОМ».

«ТРЕБУЕТСЯ СОГЛАСИЕ СВИДЕТЕЛЯ».

Серафима подошла ко мне. Даже инспектор остановился и посмотрел с таким выражением, будто увидел лопнувший шов на собственном мундире.

— Откуда у вас этот терминал? — спросил он.

Я пожал плечами.

— Бюджетный смартфон. Вы бы видели, как он греется

на видеозвонках.

Серафима взяла телефон обеими руками.

— Ты научился, — сказала она.

— Чему?

— Не просить, чтобы за тебя решили. Находить, где решение лжёт.

Её большой палец завис над экраном.

— Я могу отказаться, — произнесла она. — И тогда, наверное, ещё долго буду помнить твоё лицо.

Я почувствовал, как горло сжимается.

— Откажитесь.

Старуха посмотрела на меня так, будто снова увидела десятилетнего мальчика в слишком большой больничной рубашке.

— Лёвушка, — сказала она, и впервые за ночь голос её дрогнул, — ты уже столько раз просил об этом. Всякий раз кто-то соглашался тебя послушать. А потом всю оставшуюся жизнь жалел не об этом.

— О чём же?

— О том, что не обнял тебя перед тем, как забыть.

Она крепко обняла меня. От её фартука пахло горячим мылом, уксусом и старым домом. На миг мне почудилось, что я уже стоял вот так, маленький, промокший, а за окном шёл октябрьский дождь. Я попытался ухватиться за воспоминание, но оно не сложилось в картинку.

Серафима отстранилась.

— Запомни сам, — сказала она. — Я больше не смогу.

И нажала «СОГЛАСНА».

На галерее выключился свет.

. . .

Я всегда представлял потерю памяти как пустую комнату. Оказывается, у пустой комнаты есть звук.

Когда согласие приняли, всё вокруг на долю секунды зазвенело: машины, телефон, металлические перила. В возду-

хе вспыхнули страницы, похожие на тонкие лезвия. Каждая была заполнена моим детством — не тем, которое я помнил, а тем, которое знала Серафима. Я увидел их как кадры на рваной киноплёнке.

Мальчик в синей рубашке ест варенье прямо из банки.

Мальчик спит под стойкой прачечной, обняв игрушечного космонавта.

Мальчик смеётся, потому что старуха назвала стиральную машину начальником отдела и велела ему слушаться.

Мальчик держит красный носок и говорит: «Алиса потеряет второй, а этот пусть будет у тебя».

Последний кадр я не успел рассмотреть. На нём стояли две маленькие фигуры возле зелёных обоев. И мужчина в дверном проёме, лица которого я не увидел.

Страницы свернулись в узкий белый луч и ушли в экран смартфона.

«СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРИНЯТО».

«СОБЫТИЕ 441-08: ПРИВЯЗКА К ПЕРВОИСТОЧНИКУ ОСПОРЕНА».

«ИСПОЛНЕНИЕ ИСХОДА ПРИОСТАНОВЛЕНО ДО ПРОЦЕДУРЫ СВЕРКИ».

«ПРАВО НА ВОЗРАЖЕНИЕ: ВОССТАНОВЛЕНО ЧЕРЕЗ ВСТРЕЧНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО».

В то же мгновение на часах появилось 03:00:00.

Инспектор стоял на лестнице, подняв одну руку. С его ладони свисала белая бумажная лента, на которой было напе-

чатано моё имя. Лента внезапно оборвалась посередине буквы «К». Бумажные перила снова стали железными. Свет в прачечной загорелся.

За стеклом шестой машины маленькая мёртвая девочка открыла рот — и впервые произнесла что-то без злости:

— Не забывай меня тоже.

Потом барабан сделал оборот, скрыв её лицо.

Инспектор медленно опустил руку.

— Поздравляю, — произнёс он. — Вы нашли процедурный дефект. Такое случается гораздо реже, чем хотелось бы моему руководству.

Я посмотрел на Серафиму. Она стояла передо мной, сутулая, растерянная. На лице её было выражение человека, который проснулся в чужой комнате и пытается вспомнить, где выключатель.

— Серафима? — позвал я.

Она посмотрела мне в глаза.

— Молодой человек, — сказала она вежливо, — вам что-то постирать?

Я не сразу смог ответить.

— Вы меня не помните?

— Простите, я уже не в том возрасте, чтобы запоминать всех клиентов. Откуда у вас кровь на рукаве? Машину придётся включать отдельно. Красный к белому не кладут.

Она говорила деловито. Не притворялась. В уголке её губ была привычная складка, и от этого хотелось кричать ещё

сильнее.

Мира тихо вытерла глаза.

— Серафима Аркадьевна, мы сейчас уйдём, — сказала она.

— А, Мира. Вот вас я знаю. Вы опять притащили неприятности? — Старуха нахмурилась. — И куда я сунула квитанцию? Помню, что стирала рубашку. Чью — хоть убей, не помню.

Я вдруг понял: она потеряла не только имя. Исчезло всё, что связывало её со мной. Всякий вечер, когда она прятала мальчика под стойкой. Игрушечный космонавт. Красный носок. Сорок лет прачечной остались на месте, но часть прожитой в ней жизни теперь принадлежала только мне — и то в виде нескольких чужих кадров.

— С вас сколько? — спросила она, заметив рубашку на столе.

— Много, — сказал я.

— Дурных денег?

— Дурных лет.

Серафима прищурилась.

— Вы какой-то странный.

— Да, — ответил я. — Мне уже говорили.

Инспектор подошёл ближе. Он больше не пытался меня схватить.

— У вас нет оснований для радости, господин... — Он запнулся, будто моё имя застряло у него между зубами. —

У заявителя нет подтверждённой записи о существовании. Разбирательство не делает вас живым. Оно лишь запрещает немедленно исполнять смерть.

— Отлично. Отложим некролог, пока не разберёмся с паспортом.

— Процедура сверки откроется по вызову, — сказал инспектор. — Вам придётся явиться. Все доказательства будут рассмотрены. В том числе те, что вас не обрадуют.

— Где?

Инспектор посмотрел на Алису, потом на Миру.

— Вы ведь знаете ответ. Там, где впервые приняли неправильное свидетельство.

— В больнице? — спросил я.

Мужчина улыбнулся едва заметно.

— Я не называл больницу. Впрочем, благодарю за подсказку.

Он развернулся и пошёл к выходу. Теперь его шаги не меняли длину лестницы. У самой двери он остановился.

— И ещё одна вещь. Если вам снова встретится мальчик с вашим лицом, не называйте его собой. Ему это причиняет боль.

— Вы знаете, кто он?

— Да, — сказал инспектор. — К несчастью, я однажды подписал и его бумагу.

Он исчез за дверью, оставив после себя запах мокрой канцелярской папки.

Я посмотрел на телефон. Полоска с надписью «ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ НЕ НАЙДЕН» осталась. Под ней появилось новое окно:

«СТАТУС: СВИДЕТЕЛЬ. УРОВЕНЬ 0».

«ВОЗРАЖЕНИЙ ДОСТУПНО: 2».

«ВОЗРАЖЕНИЙ ПРОВЕДЕНО: 1».

«НЕПОГАШЕННЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ: 1».

«СВЕРКА: ДАТА И ВРЕМЯ БУДУТ НАЗНАЧЕНЫ».

То есть у меня снова была возможность спорить с реальностью. Но человек, который помог её получить, забыл, зачем вообще хотел меня спасти.

Восхитительная система мотивации. Следовало срочно запретить ей нанимать сотрудников.

— Ты в порядке? — спросила Мира.

Я хотел ответить привычное «Да». Потом увидел, как Серафима собирает с пола упавшую корзину и раздражённо приговаривает, что молодёжь разбрасывает бельё, словно по этой стране кто-то раздаёт бесплатные похороны.

— Нет, — сказал я. — Но пока ещё могу ходить. Так что едем к Егору.

Алиса подбежала и молча взяла меня за руку. Я сжал её пальцы. Тоненькие, тёплые, живые. Я впервые за ночь позволил себе подумать, что мы действительно выбрались.

В этот момент телефон Алисы завибрировал.

На экране появилось: «МАМА».

Мира хотела отключить звонок, но девочка выдернула мо-

бильный из её руки.

— Мамочка? — сказала она.

На том конце было тихо. Потом послышался знакомый звук: ровный электронный писк медицинского монитора.

— Алисочка, — произнёс женский голос. — Егор открыл глаза.

Алиса вскинула голову.

— Правда? Мам, правда?!

— Правда, — ответила женщина. Её голос дрожал от счастья и ужаса одновременно. — Он проснулся. Врачи говорят, это невозможно.

Я посмотрел на Миру. Она не улыбалась.

— А мама чего плачет? — спросила Алиса.

В трубке что-то грохнуло. Послышались быстрые шаги. Женщина приглушённо сказала кому-то: «Не трогайте его, пожалуйста, он не виноват».

Потом снова заговорила с дочерью:

— Алисочка, я очень хочу, чтобы ты меня простила. Я правда думала, что они заберут только один день. Только один. Они сказали, ты ничего не почувствуешь.

Связь захрипела.

— Где вы? — резко спросила Мира. — Назовите больницу!

— В детской реанимации, — прошептала женщина. — Идите сюда. Быстрее. Егор очнулся, но... он не один.

Я услышал второй писк — с другой частотой. Словно в

палате было два монитора, которые не могли договориться о времени.

— Что значит «не один»? — спросил я.

Женщина всхлипнула.

— Мальчик, которого я держу за руку, — сказала она. — Он смотрит на меня и зовёт мамой. А другой стоит в углу. Он тоже мой Егор. Только у него мокрые волосы. И он всё время спрашивает, почему мы забрали у него утро.

Связь оборвалась.

Я стоял с телефоном в руке, пока экран не погас.

На нём появилось уведомление, которого я уже научился бояться сильнее, чем любых звонков.

«ЗАРЕГИСТРИРОВАНО НОВОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ».

«УТВЕРЖДЁННЫЙ ИСХОД: ПРОБУЖДЕНИЕ ЕГОРА ЗИМИНА».

«НЕПРИНЯТАЯ ВЕРСИЯ: 2».

«ОПАСНОСТЬ: КРИТИЧЕСКАЯ».

Ниже — строка, от которой у меня похолодели руки:

«ОБЪЕКТ, ПОДЛЕЖАЩИЙ ВЫДАЧЕ ПРИ СТАБИЛИЗАЦИИ: АЛИСА ЗИМИНА».

Алиса посмотрела на меня.

— Лев, — спросила она, — Егор ведь теперь будет жить?

Я посмотрел на её жёлтый дождевик. На мокрый красный носок в открытом ящике. На Серафиму, которая больше не знала моего имени.

— Будет, — сказал я.

Где-то в глубине шестого барабана тихо постучали три раза.

Я не знал, кому только что пообещал жизнь. И, что хуже всего, сколько жизней она будет стоить.

ГЛАВА 3
Вторая жизнь Алисы

В три часа ночи у любого приличного человека есть два законных желания: спать и не получать звонки из детской реанимации.

Я, по всей видимости, был неприличным человеком. Не спал, получил звонок и теперь собирался в больницу с девочкой, за смерть которой кто-то уже выставил счёт.

— Она останется здесь, — сказала Мира.

Алиса перестала застёгивать жёлтый дождевик.

— Нет.

— Там опасно.

— А здесь у меня в стиральной машине лежу я, — заметила Алиса. — Мне вообще не нравится, как вы выбираете безопасные места.

Возразить было трудно. На двери машинного зала Серафима повесила табличку «ПЕРЕРЫВ ДО УТРА». За дверью ровно три раза постучали. Очень вежливо. Если не учитывать, что стучал человек, которого мы только что не дали убить.

Серафима подошла ко мне с маленьким аптечным футляром.

— Для дороги, — сказала она.

В футляре лежали два бинта, ампула рентгеноконтрастной краски и сложенный вчетверо лист бумаги. Почерк на нём был аккуратный, почти школьный.

«Если я скажу, что знаю этого молодого человека, не верь мне без доказательств. Если скажу, что не знаю, не верь тоже. Накорми его».

— Это вы написали? — спросил я.

— Вчера. Наверное, — ответила она. — У меня давно дурная привычка писать себе записки. Старость — единственное начальство, которое нельзя послать на пенсию.

Она смотрела на меня приветливо, но так смотрят на заблудившихся покупателей. За последние двадцать минут она отдала все воспоминания обо мне. Двадцать восемь лет чужой заботы испарились, оставив только чернила на бумаге. Я вдруг понял, почему она включила в список еду. Когда не знаешь, кого перед тобой видишь, всё равно можно сделать для него что-нибудь хорошее.

— Я верну вам эти годы, — сказал я.

Серафима нахмурилась.

— Чьи? Не обещайте незнакомым старухам невозможное. Мы потом на вас обижаемся.

Мира аккуратно забрала футляр. У неё всё ещё кровоточила губа, а воротник был красным от засохшей крови. То, что она оставалась на ногах, не делало её бессмертной. Просто некоторые люди очень хорошо притворяются мебелью: пока не сломаешь, не заметишь, как она устала.

— В больнице не называй себя свидетелем первым, — предупредила она. — Там всё записывают.

— Я работаю в службе записи экстренных вызовов.

— Знаю.

— Поэтому особенно приятно услышать, что мне лучше молчать.

Она хотела ответить, но Алиса вдруг протянула руку к стеклу шестой машины.

На внутренней стороне барабана выступили пять мокрых отпечатков. Маленькая ладонь медленно скользнула вниз, оставляя дорожку. Под ней проступили слова:

«ОН УЖЕ ПРОСЫПАЛСЯ».

Я подошёл ближе.

— Это про Егора?

За стеклом что-то шевельнулось. Сквозь мутную воду на меня посмотрела другая Алиса — с губами такого синего цвета, какого не существует у живых детей. Её капюшон всё ещё был изломан, как во время смерти в переходе.

Она не ответила. Вместо этого написала ещё одно слово:

«СПРОСИ».

— У кого?

Стекло затуманилось. На нём появилось едва различимое:

«У НЕГО».

Снаружи посигналила машина. Мира нашла такси. В нашем городе даже апокалипсис приходилось вызывать через приложение, и, судя по тарифу, у апокалипсиса был повы-

шающий коэффициент.

— Пойдём, — сказала она.

Алиса замешкалась. Потом приложила свою тёплую ладонь к ледяному стеклу.

— Я не обещаю, что смогу тебя забрать, — прошептала она. — Но я про тебя не забыла.

Внутри машины снова поднялась рука. На этот раз она не ударила по стеклу.

Я отвернулся первым. Мне было стыдно. Очень неудобное чувство для человека, у которого ещё оставалось право отвернуть время назад, но не было ни малейшего права говорить, что отменённая смерть ничего не почувствовала.

. . .

Таксист оказался маленьким лысым мужчиной, который всю дорогу разговаривал с навигатором.

— Поверни направо, — сказал навигатор.

— Там перекопали!

— Поверни направо.

— Вон трактор!

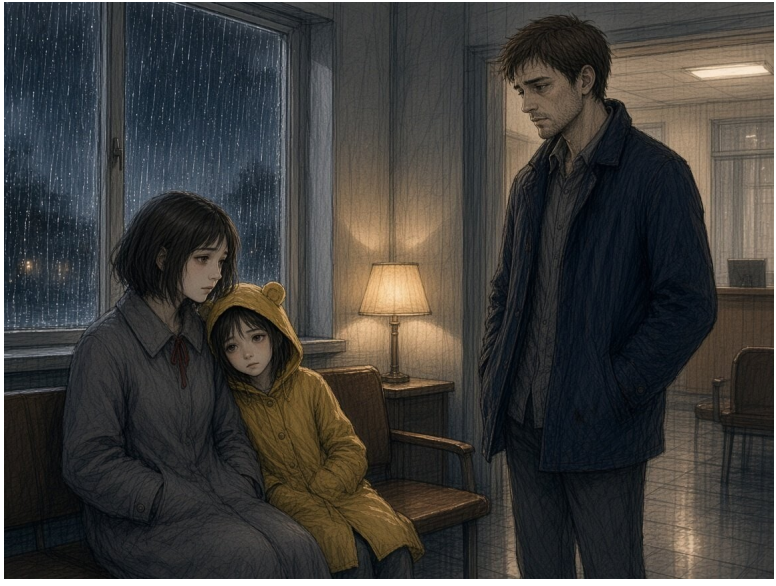
— Маршрут перестроен.

— В могилу его перестрой.

Я испытывал к этому человеку почти родственные чувства.

Больница стояла у старой дамбы. Два бетонных крыла со-

единялись стеклянным переходом, на котором горела вывеска «ДЕТСКИЙ КОРПУС». Внизу тянулась мокрая стоянка. Окна отражались в лужах так, будто под зданием была ещё одна больница, погружённая в чёрную воду.

Время на телефоне показывало 03:08.

— Мы успели, — сказала Мира.

— Пока куда?

— До того, как стабилизируют Егора.

— Это обычно хорошая новость.

— Для больницы — да. Для договора его матери — нет.

Я посмотрел на Алису. Она сидела между нами, придер-

живая капюшон с ушками, и делала вид, что не слушает.

— Ты знаешь условия? — спросил я.

— Знаю, чем они заканчиваются.

— Это не одно и то же.

Она промолчала. Я запомнил её молчание. За эту ночь выяснилось, что оно стоит дороже, чем любой честный ответ.

На входе нас остановил охранник с красными глазами и кружкой, из которой пахло растворимым кофе и последней человеческой надеждой.

— Посещения с восьми, — сказал он.

— Нас ждёт мать ребёнка в реанимации, — ответила Мира.

— Фамилия?

— Зимина.

Он посмотрел в журнал. Провёл пальцем по строкам. Зевнул.

— Здесь уже одна Зимина прошла. Две минуты назад. В жёлтом дождевике.

Мы с Мирой одновременно повернулись к Алисе.

— Я здесь, — сказала та.

— Вижу, — буркнул охранник. — Потому и спрашиваю, сколько вас там.

В вестибюле за нашей спиной щёлкнул автомат с бахилами. Из него без чьей-либо помощи выпала пара синих пластиковых чехлов. Потом ещё одна. И ещё.

— Мы к брату, — сказала Алиса охраннику. — Он ма-

ленький. Четыре года. У него на руке пластырь с машинкой. Только вы его не пугайте. Он сильно боится, когда взрослые ничего не говорят.

Охранник отвёл взгляд. Потом взял телефон, набрал внутренний номер и сказал:

— Поднимай гостей к Зиминым. Да, ещё одни. Нет, без списков. Пускай главврач сам попробует отказать ребёнку.

Он выдал нам пропуска. На моём стояла фамилия «КЛИМОВ». Под ней, вместо времени входа, было напечатано: «НЕ ПОДТВЕРЖДЁН».

— Красота, — сказал я. — Меня даже турникет считает слухом.

Охранник удивлённо нахмурился.

— А вы кто такой вообще?

— Сейчас выясняем.

Мы миновали вертушки до того, как он успел передумать.

В лифте Алиса взяла меня за мизинец.

— Лев, — спросила она тихо, — если Егор проснулся, почему мама плакала?

— От счастья тоже плачут.

— Мама от счастья сначала смеётся. А потом спрашивает, что мы наделали.

На панели лифта мигали цифры. Первый этаж. Второй. Третий.

Четвёртой кнопки не было. Между третьей и пятой кто-то установил гладкую металлическую заглушку. На ней я за-

метил тонкую царапину, похожую на букву «Ч».

— Ремонт? — спросил я, кивнув на панель.

— Здание старое, — ответила Мира. — Иногда здесь исчезают этажи.

— У вас какой-то слишком уверенный тон.

— Я стараюсь не удивляться заранее.

Лифт открылся на третьем. Нас встретил запах антисептика, варёной гречки и чужого ожидания. Перед стеклянными дверями реанимации стояла женщина в сером пальто, застёгнутом не на те пуговицы. Одна прядь тёмных волос прилипла к щеке. На одном ботинке был надет бахил, на втором — нет.

Она увидела Алису и сделала шаг вперёд.

Потом остановилась.

— Алисочка? — произнесла женщина.

Девочка рванулась к ней.

Женщина обняла дочь так крепко, что жёлтый капюшон смялся. Я услышал тихое, отчаянное: «Прости». Один раз. Второй. На третий Алиса отстранилась.

— Ты говорила, что это ненадолго, — сказала она.

— Я знаю.

— Ты знала, что дверь будет закрываться?

Мать опустила глаза.

Вот и первый ответ, который я не хотел услышать.

— Нина Юрьевна? — спросила Мира.

Женщина посмотрела на неё и вздрогнула.

— Вы сказали, она вернётся, — произнесла она. — Вы обещали.

— Я обещала попробовать её вывести.

— Не надо, — перебил я. — У нас уже был вечер, состоявший из красивых глаголов. Где Егор?

Нина словно только сейчас заметила меня.

— А вы?

— Лев Климов. Специалист по неправильным смертям. Должность временная, коллектив тяжёлый.

Она побледнела.

— Климов? — повторила она. — Мне говорили, вы умерли.

— Сегодня это вторая по популярности тема для разговора со мной. Показывайте сына.

Нина посмотрела на закрытые стеклянные двери и заговорила так тихо, что мне пришлось наклониться.

— Я не знаю, какого.

. . .

В реанимации всегда говорят вполголоса, даже когда за дверью никого не умирает. Видимо, люди надеются, что смерть стесняется подслушивать.

Дежурная врач представилась Анной Викторовной Власовой. Ей было лет тридцать пять, под глазами лежали такие тени, словно в них держали по смене на каждого ребёнка.

— Семья? — спросила она, бросив взгляд на нас.

— Не совсем, — сказал я.

— Тогда разговаривать будем с матерью.

— Он помог Алисе, — быстро произнесла Нина. — Пожалуйста. У меня сегодня слишком мало людей, которым я могу верить.

Власова посмотрела на мои побитые руки, затем на Мирину разбитую губу.

— Это у вас в семье такой способ договариваться?

— Пока экспериментальный, — сказал я. — Результаты отвратительные.

Врач не улыбнулась. Тем самым она сразу заслужила моё уважение: человек, который после ночной реанимации сохраняет силы не смеяться над идиотами, явно профессионал.

— Мальчик пришёл в сознание в два пятьдесят восемь, — сказала она. — Открыл глаза, узнал мать, ответил на вопросы. Через минуту появились нарушения ритма. Мы их купировали. Сейчас основные показатели в допустимом диапазоне, но…

Она запнулась.

— Но? — спросила Нина.

— Но я не понимаю, куда пропал один из показателей. Аппарат всё время регистрирует два ритма вместо одного. Сначала решили, что неисправность. Заменили датчики — то же самое.

Я покосился на Миру. Она уже смотрела на меня.

— Сколько раз меняли? — спросил я.

— Три.

— А проверяли на другом ребёнке?

— Разумеется. Всё исправно. Вы врач?

— Аудитор.

— Тогда не мешайте.

— Это у меня профессиональное заболевание.

Она провела нас через тамбур. Жёлтый дождевик Алисы шуршал в тишине слишком громко. Девочка сняла капюшон и прижала его к груди, будто могла зажать там собственный страх.

Егор лежал в палате номер триста девять. Белая простыня, трубка кислорода возле щеки, рука с пластырем, на котором была нарисована синяя машинка. Он казался неправдоподобно маленьким среди аппаратуры — как игрушка, которую взрослые случайно оставили в инженерном цехе.

— Аля, — прошептал он.

Алиса бросилась к кровати, но врач её остановила.

— Осторожно. Не трогай провода.

— Я умею, — сказала Алиса. — Я всегда умею.

Егор улыбнулся, заметив сестру. Улыбка была обычной, живой, слегка кривой. На верхней губе у него оставалась белая полоска от молока, хотя никакого молока здесь давать не могли. Я решил, что лучше пока не выяснять, почему.

— Аля, — повторил он. — Ты меня ждала?

— Да.

— Я тоже.

И тут из угла палаты раздался другой голос:

— А меня нет.

Я повернулся.

У батареи стоял второй Егор.

На вид — тот же четырёхлетний мальчик. Такая же вихрастая макушка, крошечная ямочка на подбородке, те же пальцы, которые не знали, куда девать. Только волосы у него были мокрые, больничная пижама прилипла к телу, а босые ноги оставляли на полу маленькие следы воды.

Он тоже смотрел на Алису.

— Я тебя звал, — сказал он. — А ты не пришла.

Живой Егор отвернулся от сестры. Его лицо стало напряжённым.

— Мам, — спросил он, — он опять здесь?

Нина замотала головой, как будто могла вытрясти из ушей слова.

— Да, солнышко. Но всё хорошо.

— Он мокрый, — сказал Егор на кровати. — Пусть вытрется.

Власова не повернула головы.

— С кем разговаривает ребёнок? — спросила она.

Нина открыла рот, но я успел раньше.

— С другим пациентом.

— Каким ещё пациентом?

— Тем, которого вы пока не видите.

Врач посмотрела на меня так, как полагается смотреть на человека, который зашёл в детскую реанимацию и объявил себя экспертом по невидимым пациентам. Если бы у неё был свободный санитар, меня бы уже увели.

Мира потянула меня за рукав.

— Не надо.

Но второй Егор сделал шаг к кровати. Один из мониторов коротко пискнул. На экране появились две линии пульса — зелёная и синяя. Синяя шла в противофазе: когда первая поднималась, вторая опускалась. На полу возле аппарата проступили мокрые цифры.

«02:21:14».

То самое время, когда должна была погибнуть Алиса.

Я почувствовал, как меня кольнуло под рёбрами.

— Это не галлюцинация, — сказал я врачу. — Видите второй ритм?

— Вижу. Но это не означает, что в палате два ребёнка.

— Согласен. Может означать, что техника сговорилась против вас. Просто у техники почему-то мокрые ноги.

Власова проследила за моим взглядом. На полу возле батареи темнели отпечатки. Когда она подошла, вода не исчезла. Доктор присела, коснулась одной капли пальцем и растёрла между подушечками.

— Холодная, — сказала она.

— Как речная, — прошептала Нина.

Второй Егор поднял на неё глаза.

— Ты обещала, что меня заберёшь, — сказал он.

— Я тебя забрала.

— Нет. Его.

Он показал на кровать.

Живой Егор зарылся лицом в простыню. Алиса сделала шаг к мокрому мальчику. Мира снова хотела её удержать, но я остановил её жестом.

— Егор, — сказал я осторожно, обращаясь к тому, что стоял у батареи. — Что ты помнишь?

— Утро.

— Какое?

Он сжал пальцы в кулаки.

— Когда мама варила кашу. И Аля спрятала ложку за холодильник. И ещё дождь шёл. В автобусе пахло мокрыми варежками. Я сказал, что не хочу к врачу. А потом меня позвали обратно.

Нина побледнела до цвета больничной стены.

— Мы не ездили на автобусе, — сказала она. — Его привезла скорая. Он три дня не вставал.

— Ездили, — возразил мальчик. — Я видел красный трамвай. Он стоял поперёк улицы, хотя у нас там нет рельсов.

Власова выпрямилась.

— В нашем городе вообще нет трамвайных путей, — сказала она.

— Теперь нет, — тихо ответила Мира.

Второй Егор опустил голову. Он уже не выглядел страшным. Он выглядел как ребёнок, которому три взрослых подряд сказали, что его день рождения выдуман.

— Я проснулся, — произнёс он. — Мама сказала, что я молодец. Я даже кашу не доел. А потом меня взяли за руку и сказали, что это утро больше не нужно.

— Кто взял? — спросил я.

Мальчик посмотрел куда-то за моё плечо.

— Дядя с зонтом.

Из коридора послышалось тихое постукивание — будто по плитке кто-то ходил тростью.

. . .

Нина увела Алису в комнату для родственников. Власова отправилась вызывать инженера, чтобы тот объяснил два показания на мониторе и три мокрых следа под батареей. Живой Егор уснул после лекарства. Мокрый остался в углу.

Я присел на корточки, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

— Ты можешь выйти отсюда?

— Когда он спит, могу. Когда просыпается — стены становятся ближе.

— Больно?

Мальчик кивнул.

— А когда все смотрят на него, мне ещё холоднее. Я не хочу его будить.

— Почему?

— Он хороший, — ответил Егор. — Он ведь тоже я.

От такой простой формулировки мне стало хуже, чем от всех предупреждений Реестра. Система называла его непринятой версией, а он считал другого мальчика собой. Ни к кому не предъявлял претензий. Только хотел вернуть утро.

— Если бы у тебя было одно желание, — спросил я, — что бы ты попросил?

Он подумал. Очень серьёзно, сдвинув брови.

— Чтобы мама знала, что я не вру.

В этот момент в палату вошла Мира.

— Нам нужно посмотреть договор, — сказала она.

— Он не мошенник, — возразил я.

— Я про тот, который подписала мать.

За её спиной второй Егор вдруг поднял руку. Его мокрые пальцы медленно сложились в знакомый жест: он показывал на мою левую ладонь.

На коже едва проступила медная дверная ручка.

И текст, который кроме меня не видел никто:

«ДОСТУП: СВИДЕТЕЛЬ».

«УРОВЕНЬ: 0».

«ВОЗРАЖЕНИЙ ПРОВЕДЕНО: 1».

«ДОСТУПНО: 1».

Внизу появилось мелкое примечание:

«ПРАВКА: 9 СЕКУНД. ДОПУСКАЕТСЯ ИЗМЕНЕНИЕ ОДНОГО СОБСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ».

Я уже видел это правило. Но теперь под ним стояла новая строка:

«НАБЛЮДАЕМОЕ СОБЫТИЕ ДОЛЖНО ИМЕТЬ НАЧАЛО И КОНЕЦ».

Я посмотрел на два монитора. Один показывал начало пробуждения. Второй — его продолжение, которого никто не признавал.

Впервые я задумался не о том, как изменить одно движение.

А о том, кто решает, когда оно закончилось.

. . .

Договор Нина хранила в телефоне. Не в почте, не в сообщениях, не в галерее. Он появлялся только тогда, когда она нажимала на фотографию сына, сделанную в тот день, когда он ещё не лежал в реанимации.

На фотографии Егор в зелёной шапке ел мороженое. Под его ногтями застряла земля, и он выглядел совершенно счастливым. Нина нажала на снимок дважды. Экран потемнел, а затем на нём возник документ с гербом, похожим на перечёркнутый круг.

«СОГЛАШЕНИЕ О ВРЕМЕННОМ РАСПРЕДЕЛЕНИИ ИСХОДОВ».

— Врач сказал, что он может не проснуться, — прошептала Нина. — Три дня у него не было нормальной реакции. Я сидела внизу, у автомата с кофе. Ко мне подошёл мужчина. В светлом плаще. С чёрным зонтом, хотя на улице не было дождя.

— А дальше он предложил акцию для отчаявшихся родителей, — сказал я.

Она не обиделась. Это было хуже всего.

— Он знал, что Егор проснётся, если я приведу Алису в переход. Сказал, что им нужна возможность. Всего одна возможность её смерти, понимаете? Не сама смерть. Возможность. Я спросила, что будет, если она вернётся. Он ответил: «Тогда у вас останутся оба ребёнка».

Алиса сидела на диванчике рядом с матерью. Я ждал, что она закричит. Но она лишь внимательно смотрела на фотографию мороженого.

— Ты сказала, что мы поменяемся ненадолго, — тихо произнесла она.

— Я верила, что так и будет.

— А меня спросила, страшно ли мне?

Нина закрыла лицо руками.

Договор состоял из семи страниц. Первые шесть были написаны языком, на котором, кажется, разговаривают исключительно адвокаты и умирающие калькуляторы. Я пролистал их, пока не нашёл таблицу обмена.

«ПЕРЕДАЮЩАЯ СТОРОНА: Н. Ю. ЗИМИНА».

«ПОЛУЧАТЕЛЬ: Е. К. ЗИМИН».

«ОБЕСПЕЧЕНИЕ: ВЕРОЯТНЫЙ ИСХОД А. К. ЗИМИНОЙ, 02:21:14».

«ИСПОЛНЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ: ПОСЛЕ СТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛУЧАТЕЛЯ».

Внизу была отдельная графа: «ПРИМЕЧАНИЯ К СОСТОЯНИЮ ПОЛУЧАТЕЛЯ». Там стояло слово «ПРОБУДИЛСЯ» и подпись доктора. Я придвинул телефон к лампе.

— Эта подпись настоящая? — спросил я.

— Врач расписалась, когда он открыл глаза, — ответила Нина. — Только я не понимаю, почему они сразу решили, что Егор спасён.

— Потому что договор продаёт не спасение, — сказал я. — Он продаёт пробуждение.

Мира посмотрела на экран.

— Разница важная, — тихо сказала она.

— Ещё бы. Если купить по фотографии пирог, а получить сухарь, продавец будет настаивать, что у них одинаковая форма.

Алиса подняла голову.

— А почему маме сказали, что будет два ребёнка, если теперь нас четверо?

Она посчитала на пальцах: себя, Егора на кровати, мокрого Егора и ту, что осталась в стиральной машине. Затем растерянно посмотрела на пустой большой палец.

Я почувствовал, как у меня что-то перевернулось. Девоч-

ка уже видела больше, чем вся здешняя бухгалтерия, и не пыталась скрыть лишних людей за словом «вероятный».

— Нина, — спросил я, — мужчина дал вам прочитать весь договор до подписи?

— Да. Я ничего не понимала. Но читала.

— А Алиса?

Нина вскинула голову.

— Она ребёнок!

— Именно. В договоре её смерть названа обеспечением, а получателем — её брата. Но она не продающая сторона и не получатель. Её сюда привели. Кто согласился с тем, что её жизнь может стать залогом?

— Я её мать.

— И потому обязаны были её защищать, — сказал я. — А не сдавать на хранение.

Нина сжалась, словно я ударил её. Я не отступил. Жалость не была причиной отказываться от правды, тем более когда расплачиваться за эту правду предлагалось ребёнку.

— Я знаю, — произнесла она. — Теперь знаю.

Мира забрала телефон и внимательно изучила последнюю страницу.

— Подпись матери действительна, — сказала она. — Не ищите тут ошибки. Она согласилась. И обеспечение одобрили в пределах полномочий опекуна. Так устроено согласование.

— Уютная у вас система. Родитель получает право взять

кредит под смерть ребёнка.

— Мы не отменим согласие задним числом, — продолжила Мира. — Можно лишь оспорить факт исполнения. Пока Егор не стабилен, взыскание отложено. Но врач внесёт заключение — и всё.

Я вспомнил вторую линию на мониторе.

— А если получателей два?

Мира медленно подняла глаза.

— По документу только один.

— Вот и проблема. Ребёнка два. Следовательно, прежде чем закрыть договор, им надо определить, кому именно поставили пробуждение.

— Реестр определит, — сказала она.

— Нет. Реестр уже пытался определить. Он выбросил второго в угол палаты. Проверка качества требует независимого измерения.

Мира посмотрела на меня так, будто я предложил открыть страховую компанию для привидений. Потом впервые за всю ночь её лицо осветилось чем-то похожим на надежду.

— Если врач зарегистрирует второго Егора как отдельного пациента до подписания стабилизации…

— То факт исполнения станет спорным, — договорил я. — Не отменённым. Спорным. Это даст нам время.

— Доктор его не видит.

— Зато видит то, что он оставляет после себя.

Я встал.

— Пойдём знакомить медицину с юридическим кошмаром.

. . .

У поста дежурной сестры нам попалась женщина в сиреневом халате. На нагрудном бейдже значилось «РЕГИСТРАЦИЯ. М. ЕЛЬЦОВА». Она заполняла журнал шариковой ручкой. На столе стояла чашка чая с плавающим в ней медицинским пластырем.

— Доктора Власову? — спросил я.

— В трёхсот девятой. Сейчас будет оформлять состояние пациента.

— Нам нужно немного времени.

— Все хотят времени, — ответила сестра. — Меня просили две минуты назад передать одну бумагу. Вот передам — и хоть застрелитесь. Но не здесь. За уборку доплату не дают.

Она показала белую папку. На обложке стояло «СТАБИЛИЗАЦИЯ. ЗИМИН Е. К.». Ниже от руки было приписано: «К ПОДПИСИ В 03:20».

— А кто просил? — спросила Мира.

Ельцова кивнула в сторону коридора.

Там никого не было. Только у двери пожарного выхода медленно качалась тень человека с зонтом.

— Начальство, — ответила сестра. — Кто ещё.

Она поднялась, держа папку перед собой. Я заметил на

последней странице тонкую блестящую нитку. Такая же тянулась от квитанции Серафимы к её пальцам. Только здесь нитка вела не к сестре, а к дверям реанимации.

— Не подписывайте, — сказал я.

— Не мне подписывать.

— И не передавайте.

— Молодой человек, вы понимаете, что мешаете работе больницы?

— Да. Это одна из немногих вещей за ночь, которые я понимаю точно.

Ельцова попыталась обойти меня. В этот момент дверь лифта тихо раскрылась. Внутри не было кабины. За металлической рамой тянулся узкий белый коридор, освещённый лампами дневного света. На стенах висели детские фотографии, повернутые лицами к стене.

Из белизны раздался щелчок мокрых подошв.

Я увидел в дверях жёлтый капюшон.

Тот, кто носил его, был намного ниже ручки лифта.

Мёртвая Алиса прижала ладонь к стеклу внутренней перегородки. Она повернула голову набок. По жёлтой ткани стекала чёрная вода.

— Не ходи туда, — прошептала Мира.

Но она смотрела не на меня. На живую Алису, которая уже вышла из комнаты ожидания и двигалась к лифту.

— Ты пришла, — сказала девочка.

У мёртвой Алисы дрогнули губы.

— Меня тоже привели, — ответила она.

Ельцова вскрикнула. Теперь она видела мокрые следы. И ребёнка в лифте — тоже. Только лицо её искажалось не от страха, а от удивления человека, которому на глазах отменили распоряжение главврача.

— Девочка, — сказала сестра, — ты откуда?

Мёртвая Алиса не сводила взгляда с папки в руках Ельцовой.

— Если она подпишет, — произнесла она, — меня сделают единственной.

Папка шевельнулась. Листы внутри зашуршали, хотя ни одно окно не было открыто.

— А живую? — спросил я.

Мёртвая девочка улыбнулась, и от этой улыбки внутри меня что-то сжалось.

— А живую назовут ошибкой.

. . .

Я посмотрел на Ельцову.

— Кто вам дал папку?

— Я уже сказала, — прошептала она. — Мужчина. Он был здесь. Только я не помню, когда.

Из папки выползла тонкая бумажная полоска и обвилась вокруг её запястья. Я дёрнул документ. Полоска натянулась, а Ельцова вскрикнула. На белой бумаге проступило слово

«ПОЛУЧЕНО».

— Лев! — крикнула Мира.

Алиса шагнула в лифт. Или в то, что притворялось лифтом. За её спиной прямо из воздуха вытянулась длинная белая рука. Пальцы сжались на жёлтом капюшоне.

Я успел схватить девочку за локоть. Рука вцепилась крепче. Капюшон начал трещать. В моей левой ладони медная ручка будто нагрелась докрасна.

«ОБНАРУЖЕНО СОБЫТИЕ ДЛЯ ВОЗРАЖЕНИЯ».

«ОТКАТ: 9 СЕКУНД».

«ИЗМЕНЯЕМОЕ ДВИЖЕНИЕ: ЗАХВАТ ЛОКТЯ».

«ЦЕНА БУДЕТ ОПРЕДЕЛЕНА ПОСЛЕ ПРАВКИ».

Время вокруг чуть замедлилось. Я увидел себя девятью секундами раньше: разворачиваюсь от папки, тяну руку, хватаю Алису. Если бы я выбрал движение на три сантиметра выше, мог бы ухватить не её локоть, а воротник и вырвать из захвата. Девять секунд. Один жест. Воспоминание, которое больше никогда не станет моим.

В первый раз это решение казалось единственным.

Теперь я увидел ещё кое-что.

Белая рука тянула не Алису. Она тянула капюшон. Всего лишь ткань. А я удерживал девочку за локоть и мешал ей освободиться.

— Сними его! — крикнул я.

— Что?

— Дождевик! Вылезай из дождевика!

Алиса резко втянула голову в плечи, выдернула руки из рукавов и упала мне на грудь. Жёлтая ткань рванулась в белый коридор. Двери лифта с грохотом сомкнулись, поймав только пустой дождевик.

На ладони погасла медная ручка.

«ВОЗРАЖЕНИЕ НЕ ИСПОЛЬЗОВАНО».

Я обнял Алису. Она тяжело дышала, уткнувшись мне в плечо.

— Ты ведь мог отмотать? — спросила она.

— Мог.

— Почему не стал?

— У меня очень хорошие перспективы обанкротиться на воспоминаниях. Решил впервые за ночь попробовать головой.

— У тебя тоже хорошо получается, — серьёзно сказала она.

— Пожалуйста, никому не говори. Репутация пострадает.

По ту сторону дверей лифта раздался тихий стук. На металлической поверхности отпечаталась маленькая ладонь, затем вторая. Мы увидели, как в щель снизу просовывается полоска жёлтой ткани. Дождевик медленно выскользнул обратно, будто кто-то передумал его забирать.

Мёртвая Алиса стояла уже с нашей стороны. Без капюшона она выглядела почти как живая. Только волосы прилипли к черепу, а на шее темнела полоса, где случилась смерть.

— Я сказала, — произнесла она, глядя на мать, — меня

тоже привели.

Нина опустилась на колени. Она не пыталась обнять девочку. Пока ещё не могла.

— Прости меня, — выговорила она.

— Ты меня знаешь?

— Ты Алиса.

— Которая?

Мать задохнулась.

— Обе, — ответила она. — Вы обе мои дочери.

На мгновение ничего не произошло. Потом на лице мёртвой Алисы появилось выражение, которое я никак не ожидал увидеть. Не радость. Недоверие. Словно ей предложили в подарок целую жизнь, а она помнила, сколько за неё обычно берут.

Она отступила к лифту и вдруг посмотрела на меня.

— Тогда и он её, — сказала она. — Тот, кто мокрый.

— Знаю.

— Не забудь сказать вслух.

И исчезла за закрытой дверью — не растворилась, а просто шагнула туда, где для нас не было прохода. На полу осталась маленькая мокрая пуговица с жёлтой ниткой.

В коридоре раздались шаги.

Из-за поворота вышел инспектор. Серебристая краска на его лице облупилась ещё сильнее, но я узнал сухой стук зонта по плитке.

— Прекрасно, — произнёс он, оглядывая нас. — Семей-

ная терапия посреди исполнения обязательств. Уточню: терапевт у вас хотя бы лицензированный?

— У нас специалист по недействительным подписям, — ответил я. — Почти то же самое.

Инспектор посмотрел на папку в руках Ельцовой. Бумажная полоска вокруг её запястья затянулась, и женщина тихо вскрикнула.

— Документ должен быть доставлен, — сказал он. — Я не могу каждый раз объяснять вам процедуру.

— А я не могу каждый раз объяснять вам, что дети не папки. Разница, правда, очевидная только со стороны.

Он улыбнулся. И я сразу пожалел о шутке.

— Тогда проведём простую проверку, Лев Андреевич. В палате два Егора. Один имеет право проснуться. Второй — нет. Кого вы предлагаете оставить?

Я не ответил.

— Раньше вам всегда помогали с выбором, — продолжил он. — В этот раз придётся самому. У вас есть шесть минут. Или вы признаёте единственного получателя, или медицинское учреждение завершает операцию без вас. Тогда обеспечение будет взыскано с девочки, и все трое станут законопослушными статистическими единицами.

— Вы забыли четвёртую, — сказал я.

Его взгляд на секунду стал жёстким.

— Я никого не забыл.

— А я начинаю подозревать, что именно в этом ваша про-

блема.

Мира потянула меня к палате. Инспектор не двинулся вслед. Он только поднял зонт и коснулся наконечником пола.

Лампы в коридоре одна за другой загорелись зелёным. На стене высветились цифры:

«03:15:00».

«ДО ПОДТВЕРЖДЕНИЯ СТАБИЛИЗАЦИИ: 05:00».

Я посмотрел на свои часы. Они показывали то же время. Видимо, после прачечной он решил не воровать минуты. Зачем красть, когда можно назначать сроки самому?

. . .

Власова ждала у кровати Егора. Она уже успела вызвать инженера. Тот, разумеется, не обнаружил неисправностей и посоветовал перезагрузить аппарат. Специалисты по технике одинаковы во всех мирах: сперва обесточат, потом похоронят.

— У меня пять минут, — сказал я врачу. — И нужно, чтобы вы не подписывали заключение.

— Это угроза?

— Это просьба. Угроза стоит в коридоре с зонтом.

Власова изучила моё лицо.

— Поговорим позже. Сейчас у ребёнка нестабильная электрокардиограмма.

— У какого?

Она раздражённо дёрнула плечом.

— Зимина Егора Константиновича.

— Они оба Зимины Егоры Константиновичи.

Я указал на батарею. Там всё ещё стоял мокрый мальчик. Он больше не просил вернуть утро. Он смотрел на меня с тем ужасным терпением, которое бывает у детей, когда взрослые решают их судьбу и называют это заботой.

— Доктор, — сказал я, — у вас есть обязанность зарегистрировать любого пациента, который нуждается в помощи?

— Разумеется.

— Независимо от того, можете ли вы объяснить, откуда он взялся?

— Если пациент существует, — отрезала она.

— Вот. Существование сейчас и проверим.

Мира раскрыла футляр Серафимы. Ампула серебристой краски блеснула под лампой. Она осторожно вылила каплю на кончик пальца, и я почувствовал, как воздух в палате похолодел.

— Нельзя! — вскрикнула она, увидев, что второй Егор подался назад. — Лев, только если он согласится. Иначе серебро его привяжет к чужому исходу.

Я опустился перед мальчиком.

— Егор, послушай. Это может быть больно. И после этого тебя увидят все. В том числе те, кто хочет тебя убрать. Ты не обязан. Я не буду решать за тебя.

Мальчик посмотрел на своего спящего двойника. Потом на Нину, которая держала Алису за плечо.

— Мама увидит?

— Да, — ответил я.

— Тогда хочу.

Мира коснулась краской его запястья. Металлический блеск побежал вдоль вен тонкой сеткой. Мальчик зажмурился. Стиснул зубы. Не заплакал.

Власова уронила ручку.

Там, где секунду назад был пустой угол, стоял четырёхлетний ребёнок. Босой, мокрый, с посиневшими губами. Он смотрел на неё так, как дети смотрят на врачей перед уколом.

— Больно только когда все делают вид, что меня нет, — сказал он.

Власова присела перед ним. Отчётливо, без спешки, словно решила отложить страх на конец смены.

— Как тебя зовут?

— Егор Зимин.

— Сколько лет?

Он показал четыре пальца.

— Где болит?

Мальчик положил ладонь на грудь.

— Когда он просыпается, тут тесно.

Доктор осторожно приложила стетоскоп к его груди. Две секунды. Три. Её лицо изменилось.

— Там есть сердцебиение, — сказала она. — Очень сла-

бое. Но есть.

Синяя линия на мониторе дрогнула и потянулась выше.

— Отдельное? — спросил я.

— Не такое, как у ребёнка на кровати. Частота другая. И дыхание… — Она прислушалась ещё раз. — Господи. У него действительно есть дыхание.

Врач подняла глаза на Нину.

— Это ваш сын?

— Да, — сказала мать.

— Но в кровати тоже ваш сын?

Нина кивнула. Алиса взяла мокрого Егора за руку. Её пальцы покрылись серебряными точками.

— Вот, — сказала она брату, — теперь тебя видно.

Я услышал, как за дверью инспектор негромко щёлкнул зонтом.

— Анна Викторовна, — сказал я, — запишите то, что видите. Не объяснение. Не диагноз. Двух пациентов.

Власова оглянулась на дверь и медленно выпрямилась.

— Если я это запишу, у меня потребуют освидетельствование.

— Могу записать предварительный приём к психиатру на троих. Себя включу по корпоративной скидке.

Она неожиданно усмехнулась. Совсем чуть-чуть.

— У меня нет второго браслета на одно имя, — сказала она.

— Значит, пора заводить новый номер истории болезни.

Доктор взяла с полки пустую бумажную карту. Написала на ней: «Неустановленный пациент, мальчик, приблизительно 4 года». Поставила время осмотра.

И тут надпись исчезла. Просто пропала с бумаги. Ручка осталась у неё в пальцах, чернила — на кончике, а лист снова стал белым.

— Я так и думала, — тихо произнесла Мира. — Реестр не принимает второго с тем же исходом.

Из коридора донёсся голос инспектора:

— Попытка регистрации дублирующего объекта отклонена. Предлагаю не затягивать.

Власова уставилась на чистую карту.

— Нет, — сказала она. — Мальчик передо мной. Я его осмотрела.

Слова прозвучали спокойно. Но я увидел, как дрогнула её рука.

— Значит, нужна не вторая история болезни, — сказал я. — Нужна запись о том, что первая не соответствует наблюдениям.

Она посмотрела на меня.

— У нас есть журнал расхождений. Для случаев, когда показания аппаратов не совпадают с состоянием пациента.

— Прекрасно. Недавно меня спасла именно такая жалоба. У меня уже богатый опыт оформления претензий к устройству мира.

Доктор вытащила из нижнего ящика толстую тетрадь в се-

рой обложке. На корешке значилось «НЕСООТВЕТСТВИЯ. РУЧНОЙ УЧЁТ». Её страницы были прошиты ниткой, а на последнем листе стояла подпись главврача и номер печати. Бумагу нельзя было заменить, не порвав переплёт.

— Здесь заполняются только факты, — сказала она. — Две записи независимо друг от друга. С подписями двух сотрудников.

Я обернулся к Ельцовой, которая наконец освободилась от бумажной полоски. Она стояла у дверей, прижимая ладонь к запястью.

— Маргарита, — сказал я, — вы видите второго мальчика?

Она кивнула.

— Вы готовы подтвердить то, что видите?

— Мне за это точно не доплачивают.

— Скорее всего, ещё и уволят.

Ельцова посмотрела на мокрого Егора. Мальчик по-прежнему стоял босиком на холодном полу. Сестра сняла с полки больничное полотенце, накинула ему на плечи и только тогда ответила:

— Давайте ручку.

. . .

До назначенного срока оставалось девяносто секунд.

Власова открыла журнал на последней заполненной стра-

нице. Ельцова принесла линейку, потому что нервничала и не могла писать ровно. Я включил запись на телефоне. На экране замигала красная точка.

— Назовите дату и время, — попросил я.

— Одиннадцатое ноября две тысячи двадцать шестого года, три часа восемнадцать минут, — сказала Власова. — Палата триста девять. При обследовании ребёнка Егора Зимина обнаружено присутствие второго ребёнка, совпадающего с ним по внешним признакам и отвечающего на то же имя. Ритм сердца различен. Оба реагируют независимо.

— Подтверждаю, — сказала Ельцова.

От двери раздался сухой треск.

Светлый плащ инспектора выглянул из-за косяка. Мужчина не пересёк порог. За его спиной коридор стал длинным и белым, как развёрнутый лист бумаги. По стенам двигались чёрные буквы.

— Вы создаёте недопустимое дублирование записи, — произнёс он.

— Нет, — ответила врач, не поднимая головы. — Я фиксирую наблюдаемое состояние.

— Для вашего блага советую прекратить.

— Для моего блага лучше, чтобы в палате было два живых ребёнка, чем один правильно оформленный труп.

Мне захотелось пожать ей руку. Не сейчас. Рукам предстояло заняться другими делами.

Зонт ударил по полу.

На стекле двери возникла широкая трещина. Тонкая, как волос, она побежала от ручки к ручке. За ней появились новые трещины, но каждая была строчкой мелкого чёрного текста. Одна из них сложилась в фамилию Нины. Другая — в фамилию врача.

Власова замерла.

— Кто это? — спросила она.

— Бюрократ с завышенными полномочиями, — сказал я. — Слава богу, теперь вы его тоже слышите.

— Подписи, — приказал инспектор. — Не допускаются.

Первая страница журнала резко дёрнулась. Затем вторая. Толстая тетрадь рванулась с колен врача, будто кто-то тянул её через стол невидимой леской. Власова вцепилась в переплёт. Ельцова ухватила обложку с другой стороны.

Я схватил тяжёлый медицинский зажим и прижал книгу к металлической тележке. Один из листов порезал мне руку. Кровь капнула на страницу рядом с двумя ещё пустыми графами.

«03:19:42».

— Если бы вы просто отдали девочку, — произнёс инспектор, — мальчик проснулся бы без осложнений. Вам обязательно нужно превратить простую процедуру в катастрофу?

— У вас очень специфическое представление о простоте!

Живой Егор открыл глаза. Он посмотрел на второго, мокрого, и не испугался. Только протянул к нему руку.

— Привет, — сказал он. — Ты тоже заболел?

Второй подошёл к кровати.

— Нет. Меня не взяли домой.

— Тогда иди к маме.

— Я не умею.

Нина сделала то, что должна была сделать ещё в переходе: подошла сама.

Она опустилась рядом с обоими, не пытаясь решить, какой её сын настоящий. Одной рукой она обняла ребёнка на кровати, другой коснулась мокрых волос второго.

— Я здесь, — сказала она. — Слышишь? Я здесь с вами

обоими.

Синяя линия кардиомонитора поднялась. Зелёная тоже. Они пересеклись — и пошли дальше независимо друг от друга.

— Власова! — крикнул я. — Подписывайте!

Доктор поставила подпись под первой записью. Ельцова тут же расписалась во второй графе. На обложке журнала выступили тёмные буквы, словно кто-то ставил штамп с обратной стороны.

«НЕСООТВЕТСТВИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО НЕЗАВИСИМЫМИ НАБЛЮДАТЕЛЯМИ».

«ЗАПРЕЩЕНО ЗАВЕРШАТЬ СТАБИЛИЗАЦИЮ ДО СВЕРКИ ПОЛУЧАТЕЛЯ».

«ВЗЫСКАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ: ПРИОСТАНОВЛЕНО».

Часы показали 03:20:00.

Бумажные полосы, покрывшие стекло, замерли. Тетрадь перестала рваться из рук. Инспектор выпрямился за дверью и медленно опустил зонт.

— Вы добились отсрочки, — сказал он.

— Я добился того, чтобы вы перестали называть ребёнка ошибкой.

— На один день, — уточнил он. — Затем его существование будет проверено. И к тому времени вам придётся предъявить источник второго пробуждения. Без него проверка вернёт дело в первоначальное состояние.

Я посмотрел на двух мальчиков. Они осторожно соприкоснулись ладонями. У одного кожа была сухой и горячей. У другого — холодной и мокрой. Но оба держали руки сами.

— У вас любая победа с мелким шрифтом, — сказал я.

— Потому что вы всё время побеждаете не того противника.

Он собирался уходить. Я шагнул к двери.

— Подождите. Вы были в две тысячи восьмом?

Инспектор остановился.

— Да.

— Кто привёл десятилетнего мальчика в прачечную?

У него дрогнул палец на рукояти зонта. Впервые за ночь он выглядел не сердитым и не вежливым, а просто уставшим.

— Тот, кто верил, что можно спасти одного ребёнка, не лишив жизни другого, — ответил он.

— И получилось?

— Спросите у Серафимы.

— Она не помнит.

— Я знаю, — сказал инспектор.

Он ушёл по коридору. За ним исчезли чёрные буквы. Лампы снова стали обычными, скучными, больничными. Никогда ещё мне не хотелось обнять систему освещения.

Власова закрыла журнал и пододвинула его к себе. На первой заполненной странице остался отпечаток моей кровавой ладони.

— Что делать с мальчиком? — спросила она.

Я посмотрел на мокрого Егора. Он сидел рядом с матерью, укрытый полотенцем, а сестра рассказывала обоим братьям одну и ту же историю про спрятанную ложку.

— Для начала — согреть, — сказал я.

— Я не знаю, можно ли его кормить, давать лекарства, вывозить из палаты…

— Значит, узнаем. Не отменяем существование человека только потому, что не умеем измерить ему температуру.

Власова кивнула. Потом подняла глаза.

— Вы ведь понимаете, что у меня могут отобрать лицензию?

— Да.

— И что записи из журнала, вероятно, не переживут независимую проверку?

— Поэтому у нас ещё и звук.

Я показал телефон. Он всё ещё записывал. На дорожке виднелись две отдельные волны: голос первого Егора и голос второго. Врач, мать и сестра подтвердили их присутствие. У каждой из этих записей были начало и конец. Не было только способа объяснить, почему оба голоса принадлежали одному имени.

Мира перевела взгляд на экран.

— Ты понял, — сказала она.

— Что?

— Девять секунд. Тебе разрешают изменить только одно собственное движение. Но Реестр должен точно знать, какое

движение ты меняешь. Он не может подменить чужое свидетельство твоим. Иначе оно уже не будет независимым.

Я вспомнил строку на ладони: «Наблюдаемое событие должно иметь начало и конец». Значит, сила скрывалась не в откате времени как таковом. В доказательстве границы. Система позволяла исправить только то, что могла признать конкретным событием. А два независимых свидетельства заставляли её признать, что она не знает, где заканчивается один Егор и начинается другой.

Медная ручка на ладони не появилась. Право оставалось неиспользованным. Я был этому рад и боялся радоваться слишком сильно.

— А что будет, когда он выйдет из палаты? — спросила Нина.

— Пока не знаю.

Это было неприятное, но нужное признание. Я посмотрел ей в глаза.

— Вы должны сказать детям всю правду. Не сейчас, не одним ударом, но не заставляйте их думать, что кто-то из них виноват. И больше ни одного договора за их спиной.

Нина кивнула.

— Я не подпишу ничего.

— Подпишете, — сказал я. — Согласие на лечение, например. Только сначала прочитаете. И спросите, когда сможете, кого касается бумага.

Она неожиданно заплакала. Тихо, почти беззвучно. Алиса

подошла к ней, обняла за шею и сказала:

— Мама, я сердита. Но я всё равно хочу домой.

Нина прижала её к себе. В мокром полотенце второй Егор смотрел на них и старался не мешать.

— Ты тоже, — сказала Алиса, протянув ему руку.

В этот момент я понял, что мне будет трудно уснуть даже в том случае, если мир внезапно решит перестать нас убивать.

. . .

В 03:27 мы вышли в пустой коридор. Власова осталась у детей. Мира двигалась медленно; я предложил ей сесть, но она отмахнулась. Её губа снова начала кровоточить.

На телефоне у меня висело подтверждение:

«СОБЫТИЕ: ПРОБУЖДЕНИЕ ЕГОРА ЗИМИНА».

«СТАТУС: ОСПОРЕНО».

«ОБЪЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ: АЛИСА ЗИМИНА».

«ВЗЫСКАНИЕ: ПРИОСТАНОВЛЕНО ДО СВЕРКИ».

«ПРАВО НА ВОЗРАЖЕНИЕ: 1».

«ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ: БЕЗ НОВЫХ ИЗЪЯТИЙ».

— Похоже, вышло, — сказал я.

Мира не ответила.

— Только не говори, что сейчас случится что-то хуже.

— Лев…

— Это очень плохое начало предложения.

Она показала мне копию записи в журнале, которую Власова сфотографировала перед тем, как спрятать оригинал в сейф. Под датой сегодняшнего осмотра появилась строка, которой мы не писали:

«НАЗНАЧЕНА СВЕРКА ПЕРВОИСТОЧНИКА: ЧЕТВЕРГ, 12.11.2026, 00:00».

— Ну и что? — спросил я. — У нас почти сутки. Впервые за ночь роскошь.

Мира молча подвела меня к стене. Там висел обычный больничный календарь с фотографией рыжего кота. На открытой странице был ноябрь две тысячи двадцать шестого года.

Среда, одиннадцатое.

Пятница, тринадцатое.

Между ними не было четверга.

Не пустой клетки. Не перечёркнутой даты. Колонки стояли вплотную, будто мир с самого начала считал, что после среды наступает пятница.

— Может, бракованный календарь, — сказал я.

Мира показала на телефон. В меню выбора даты между одиннадцатым и тринадцатым тоже не было ничего. Я открыл календарь на другом приложении. Результат тот же.

Из палаты донёсся приглушённый детский плач. Затем Власов голос: «Я здесь, Егор. Я тебя вижу».

Мне вспомнился мокрый мальчик и его рассказ об утре: автобус, варежки, красный трамвай на улице, где никогда не

было рельсов. Я посмотрел на пустое место между средой и пятницей.

— Он ведь не вспоминал вчерашний день, — сказал я.

— Нет, — ответила Мира. — Он вспоминал тот, который забрали до того, как он наступил.

В коридоре ожил громкоговоритель.

— Вниманию сотрудников, — произнёс женский голос. — В связи с уточнением календаря просьба не планировать приём на четверг. Все обращения указанной даты считаются не поступившими.

Динамик щёлкнул.

Я посмотрел на свой телефон.

Пришла запись экстренного вызова. Из службы, где я должен был сегодня утром выйти на смену.

Номер события: «441-Ч».

Отправитель: «НЕ УСТАНОВЛЕН».

Продолжительность: девять секунд.

Я включил воспроизведение.

Сначала шумел дождь. Затем раздался детский голос, похожий на мой собственный в десять лет:

— Лёва, если ты слышишь это в среду, не дай им наступить пятнице. В четверг ты ещё можешь выбрать. В пятницу нас всех уже никогда не было.

Запись оборвалась.

На экране появился запрос:

«ПОДТВЕРДИТЕ УДАЛЕНИЕ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО

ДНЯ».

Под ним — две кнопки.

«СОГЛАСЕН».

«НЕ СОГЛАСЕН».

Я убрал палец от экрана.

Впервые за ночь никто не спешил.

Это и было страшнее всего.

ГЛАВА 4
Четверг без четверга

В жизни бывают вопросы, на которые нельзя отвечать «да» или «нет».

Например: «Вы перестали подделывать документы?» Или: «Согласны ли вы удалить день, который ещё не наступил?»

Мой телефон предлагал второй вариант. Мира стояла рядом и смотрела на экран так, будто внутри него шевелилась ядовитая змея. В больничном коридоре пахло хлоркой, кофе и чужими надеждами. Обычная среда. Одиннадцатое ноября две тысячи двадцать шестого года. Три часа двадцать восемь минут.

Завтра, согласно всему, что я знал о календарях, должно было наступить двенадцатое число. Четверг. Но в моём телефоне после одиннадцатого сразу значилось тринадцатое. Пятница. Как будто мир разорвал страницу и аккуратно склеил соседние края.

— Не нажимай, — сказала Мира.

— Я пока наслаждаюсь разнообразием выбора.

— Лев.

— Ладно. Вопрос серьёзный. Что произойдёт, если я нажму «НЕ СОГЛАСЕН»?

Она отвела взгляд.

Вот так я и узнал, что у нас неприятности. Если Мира Савина, которая уже видела собственную смерть, боялась одной кнопки сильнее инспектора с зонтом, значит, у кнопки имелись полномочия.

— Отказ зарегистрируют как возражение владельца, — сказала она наконец.

— Владельца чего?

— Дня.

— Замечательно. Всю жизнь снимал комнату, а теперь неожиданно получил четверг в собственность.

— Когда отказываешься от удаления, ты признаёшь, что этот день за тобой числится. Если потом не сможешь доказать, что он действительно существовал, его недостачу взыщут с тебя.

— А «СОГЛАСЕН»?

— Согласие с тем, что его не было. Всех, кого этот день должен был коснуться, переведут в состояние «не произошло».

Из палаты триста девять донёсся голос ребёнка. Сначала один, потом второй. Они спорили, кому принадлежит синяя игрушечная машинка. Оба голоса были живыми. Если даже такой спор мог считаться официальной ошибкой, лучше было не спрашивать, что делается с вещами покрупнее.

Я погасил экран. Надписи остались под стеклом, видимые даже без подсветки.

— Ты знала про четверг до звонка? — спросил я.

— Я знала, что его попытаются забрать. Но не знала, когда.

— У тебя в голове есть хотя бы одна папка с названием «Рассказать Льву до катастрофы»?

— Есть.

— И сколько в ней файлов?

— Не уверена, что ты захочешь их слушать.

Я открыл рот, чтобы сказать что-нибудь очень обидное, но из палаты вышла Власова. Без халата, в тонком зелёном свитере, она выглядела гораздо моложе и совершенно измученной. В руках держала бумажный листок с красной печатью.

— Мы только что получили распоряжение, — сказала она. — Все процедуры, назначенные на двенадцатое ноября, перенесены на ближайшую следующую дату.

— На пятницу, — ответил я.

— На пятницу. Но здесь есть ребёнок на аппарате внешней поддержки дыхания. Его нужно перевести в областную клинику завтра утром. Если ждать ещё сутки, состояние может измениться так, что перевозить станет опасно.

— Значит, перевезите сегодня.

— Сегодня областная бригада занята на другом вызове. А приказ предписывает не принимать обращения за отсутствующую дату. Я позвонила диспетчеру — там сообщили, что выезд на четверг нельзя оформить, потому что четверга нет в системе.

Она сказала это так ровно, что мне стало хуже. Ни криков. Ни мистической музыки. Просто человек в зелёном свитере пытался объяснить машине, почему ребёнок не может подождать, пока у машины появится нужная клетка в календаре.

— Назовите его имя, — попросил я.

— Кирилл Лосев. Шесть лет.

Власова вдруг сжала бумагу.

— Это не единственный пациент, которому нужен завтрашний день. Я просто первого знаю по имени.

На моём телефоне проявилась новая строка.

«УДАЛЯЕМАЯ ЕДИНИЦА ВРЕМЕНИ: 12.11.2026».

«ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛИЦ: 86».

«ИЗ НИХ ПОДТВЕРДИЛИ ОТСУТСТВИЕ ВОЗРАЖЕНИЙ: 84».

Восемьдесят четыре человека согласились? В три часа ночи? Я не поверил. Потом вспомнил, как сам чуть не нажал кнопку, просто потому что она мешала выключить экран.

— Где остальные двое? — спросил я.

Ответ пришёл беззвучно.

«ЗАЯВИТЕЛЬ № 85: Л. А. КЛИМОВ. ОТВЕТ ОЖИДАЕТСЯ».

«ЗАЯВИТЕЛЬ № 86: НЕ УСТАНОВЛЕН».

У меня холодели пальцы. Почему-то именно последний пункт пугал сильнее остальных. Один человек в городе ещё не решил, существует ли завтра. И Реестр даже не знает, как его зовут.

— Нам нужно найти номер восемьдесят шесть, — сказал я.

— Сначала выясни, где хранится четверг, — ответила Мира.

За спиной снова включился больничный громкоговоритель.

— Просьба ко всем сотрудникам сдать расписания за двенадцатое ноября для уничтожения, — сообщила приятная женщина. — Не оставляйте неактуальную документацию на рабочих местах.

Власова развернула смятый лист. На нём был список перевозок. Напротив имени Кирилла стояло «12.11, 08:40». Поверх цифр проступали серые пятна, будто бумагу разъедала плесень.

— Отдайте мне копию, — попросил я.

— Зачем?

— Работу найду. Я вообще специалист по случаям, когда кто-то слишком рано выбрасывает бумагу.

Власова сунула мне листок. В коридоре мигнул свет. И цифра «12» под моим большим пальцем исчезла.

Не была зачёркнута. Не размылась. Просто между «11» и «13» на листе осталось место ровно на один знак.

Мне очень захотелось, чтобы причиной происходящего оказался дешёвый принтер.

. . .

Два Егора к этому моменту заснули. Первый лежал на больничной кровати под одеялом с рисунком облаков. Второй спал сидя, прислонившись к плечу матери, и оставлял мокрый след на её свитере. Нина Зимина держала обоих, как могла. Одной рукой поправляла одеяло, другой поддерживала голову ребёнка, которого ещё час назад называли несуществующим.

Алиса сидела рядом на стуле, свесив ноги в жёлтых резиновых сапогах. Увидев нас, сразу поднялась.

— Вы нашли четверг?

— Он пока в розыске, — ответил я.

— Мама сказала, четверг был всегда.

— Мама права.

— Тогда почему его ищут?

Детям не следовало задавать вопросы, к которым взрослые не готовы. Но дети, похоже, считали эту традицию несправедливой.

— Потому что кто-то решил, что проще убрать целый день, чем разобраться, что в нём случится, — сказал я.

У мокрого Егора дрогнули веки. Он открыл глаза.

— Трамвай, — прошептал мальчик.

— Мы помним, — ответила Мира.

— Нет. Он за нами не поедет. Он сегодня приедет.

— Сегодня среда, — сказала Алиса.

— Я знаю.

Егор сел. На его запястье тускло блестело серебристое пятно — та самая краска, благодаря которой врач увидела его и смогла записать второй пульс. Мальчик крепко сжал край полотенца.

— Я ехал на нём, когда ещё был завтра, — сказал он. — Там пахло мокрыми варежками. А кондуктор всё время говорила: «Проверяйте билеты. День последний».

— Где он остановится? — спросил я.

— На Тихой. У часов, которые не ходят. Там голубая будка. Я тогда думал, что в будке живёт снег.

Нина посмотрела на сына так, как смотрят на ребёнка, впервые заговорившего после долгой болезни.

— Егор, мы никогда не ездили на трамвае.

— Ты не ездила, — ответил он. — А я уже ездил.

Он заплакал. Без звука. Из глаз текла вода, прозрачная и слишком холодная на ощупь. Алиса тут же подскочила к нему с бумажной салфеткой. Второй Егор — тот, что лежал на кровати, — проснулся и тоже протянул салфетку. Они обменялись ими, не понимая, у кого из них запасная.

— Мы найдём остановку, — сказал я. — И выясним, почему тебя там бросили.

— Не бросили. Я вышел раньше.

— Почему?

Егор посмотрел на мать.

— Там сказали, что она должна выбрать одного.

Нина закрыла глаза. Я поспешил сменить тему. Некоторые решения нельзя оставлять в больничной палате на глазах у детей, которые уже однажды заплатили за взрослый выбор.

— Если трамвай придёт, нам нужен билет, — сказал я. — Ты помнишь, как он выглядел?

Мальчик поднял указательный палец. Потом второй. Сделал маленькие ножницы и щёлкнул ими в воздухе.

— Дырочки, — сказал он. — Много дырочек. Там ещё женщина с красными ногтями. Она режет билет и спрашивает: «Ваш срок?»

Мира застыла.

— Что? — спросил я.

— «Ваш срок», — повторила она. — Не «Ваш маршрут». Значит, это не транспорт.

— А что?

— Доставка.

Мне стало интересно, чем тогда является остановка. И не окажусь ли я посылкой, за которую получателю придётся доплатить.

Я снял с коридорного поста чистый лист. Попросил Егора нарисовать голубую будку и часы. Он нарисовал круг с двумя стрелками. Обе показывали двенадцать. Под часами — прямоугольник. А перед ним семь коротких красных полос.

— Рельсы? — спросил я.

— Нет. Люди.

Я посмотрел на рисунок. Семь полос стояли одна за другой. Последняя была чуть выше остальных. Над ней мальчик нарисовал точку, похожую на дырочку от иглы.

— Сколько было пассажиров?

Егор безошибочно показал на шестую полоску.

— А седьмой?

Он отодвинул карандаш.

— Он не садился. Он считал.

Мира положила ладонь на лист и тихо сказала:

— Нам пора.

Нина крепче обняла детей.

— Вы ведь вернётесь?

— Не обещайте этого сейчас, — вмешалась Алиса. — Он иногда обещает так, что потом у всех проблемы.

Восьмилетняя девочка оценила мою профессиональную биографию точнее, чем все начальники за предыдущие годы.

— Постараемся, — сказал я.

— Это лучше, — согласилась она.

Перед выходом я попросил Власову сделать три вещи: сохранить прошитый журнал в сейфе, записать на диктофон собственным голосом все назначения на четверг и ни в коем случае не подписывать «уточнённые» согласия на удаление даты. Ельцова уже доставала из ящика кассету для старого магнитофона.

— Вы думаете, электроника ненадёжна? — спросила она.

— Я думаю, мир сегодня нанял очень хорошего систем-

ного администратора.

— А кассету?

— Кассету ему придётся сначала перемотать.

Ельцова хмыкнула. Власова впервые за ночь улыбнулась.

Я ушёл с расписанием Кирилла, рисунком Егора и телефоном, который всё ещё требовал выбрать одну из двух неправильных кнопок. Вторая жизнь Алисы оставалась неурегулированной. Второй Егор спал под чужим полотенцем. А где-то на Тихой улице красный трамвай, которого в городе не было, готовился приехать раньше своего дня.

. . .

В 04:06 Лада взяла трубку со второго звонка.

— Только не говори, что ты на работе, — сказала она вместо приветствия.

— Доброе утро. Не могу, меня сейчас даже календарь не признаёт штатной единицей.

— Лев? Где ты?

— В городе. А ты?

— В том же городе, пока его не отменили. Слушай внимательно. У нас забрали двенадцатое ноября.

— Я заметил. Очень неудачное решение для людей, которые планировали жить завтра.

— Ты опять говоришь так, будто это шутка.

— У меня две защитные реакции. Вторая — кричать. Кол-

леги предпочитают первую.

Лада вздохнула. На заднем плане трещал принтер. Я почти увидел наш подвальный центр: выцветшие перегородки, дежурный чайник и табло, сообщающее о неисправностях с видом человека, который составляет завещание.

— Все экстренные обращения с пометкой «12.11» пришли одной пачкой, — сказала она. — Девяносто шесть файлов. Сначала были, теперь пустые. В метаданных один адрес: Тихая, четырнадцать. Но такого дома нет. И послушай: одна запись выделена как «направленная ранее источника».

— Номер четыреста сорок один, буква «Ч»?

В трубке повисла тишина.

— Откуда ты знаешь?

— Получил её от себя, когда мне было десять.

— Лев, перестань смешивать шутки с ужасами. Очень трудно определять, где у тебя приступ.

— Лада. Красный трамвай тебе что-нибудь говорит?

Она не ответила сразу. Слышно было, как она передвигает что-то по столу.

— Встань подальше от Миры, — сказала она наконец.

Я отошёл на несколько шагов. Мира осталась у автомата с горячими напитками; безнадёжно пыталась купить себе чай. За стеклом автомата промокшие пакетики выглядели так, будто и сами нуждались в медицинской помощи.

— Говори, — попросил я.

— В две тысячи восьмом у нас из транспортного архива

пришёл странный акт, — сказала Лада. — О маршруте, который никто не запускал. В нём числился трамвай, красный вагон, нулевой номер. Диспетчерская подпись была детской.

— Детской?

— Похоже, ребёнок обвёл буквы по линейке. А рядом стояла дата смерти десятилетнего мальчика. Я не знала, кто он. Тебя приняли к нам много позже.

Я прижался плечом к стене.

— Ты сейчас намекаешь, что знала про мою смерть в две тысячи восьмом и всё равно жаловалась, когда я опаздывал на смену?

— Я не знала, что это ты, — сказала Лада. — Иначе отняла бы у тебя право подходить к принтеру. Такие люди его заводят.

Она шуршала бумагами.

— Я сохранила номер архивной папки. Ноль — восемнадцать — четыре. На описи были слова «Проверка непрерывности календаря». Я тогда подумала: очередная городская комиссия. У них даже отсутствие денег можно назвать непрерывностью финансирования.

— Где папка?

— Её забрали сегодня в три пятьдесят. Не сотрудники. В журнале стоят фамилии, которых нет в списке кадров. Но я успела сфотографировать последний лист. На нём есть адрес, время и карандашная пометка: «Красный вагон вернёт пассажира при наличии незакрытого дня».

— Адрес — Тихая, четырнадцать?

— Да. И ещё строчка: «Открытие ворот — 06:40».

До этого оставалось меньше трёх часов. Я посмотрел на часы. Цифры показывали 04:11, но под ними уже появилась тонкая надпись «ПЯТНИЦА ЧЕРЕЗ 19 Ч 49 МИН». Кто-то торопился сильнее, чем я.

— Лада, фотография у тебя?

— Отправляю с рабочего аппарата. Не звони туда, где нас смогут записать на завтра. И, Лев…

— Да?

— В октябре две тысячи восьмого я ещё не работала в центре. Но на обороте старого акта был твой сегодняшний номер телефона. Я думала, это ошибка сканирования. Теперь понимаю, что ошибки иногда звонят заранее.

На экран пришла фотография, снятая криво, с тенью Ладиного пальца. Внизу страницы стояли две подписи. Одну разобрать было трудно. Вторая была указана полностью:

«СОГЛАСОВАЛ: Л. А. КЛИМОВ».

Дата подписи — 14.10.2008.

Ниже был росчерк, похожий на мой. В десять лет у меня ещё не было подписи. По крайней мере, я так считал.

— Надо поговорить с отделом согласования, — сказал я.

— Разумеется, — ответила Лада. — Всем известно, что нет ничего приятнее, чем лично посетить людей, которые уничтожают четверги. Но сначала съезди на Тихую. И приготовь что-нибудь бумажное.

— Для чего?

— Для билета, дурак. Ты ведь всегда теряешь билеты.

Она отключилась. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что последняя фраза была сказана с привычной, почти материнской нежностью. Лада знала меня много лет, и в первый раз за всю ночь эта связь казалась чем-то несомненным.

Я вернулся к Мире. Автомат всё-таки выдал ей чай. При этом на стаканчике вместо даты изготовления появилось «13.11.2026».

— Тихая, четырнадцать, — сказал я. — Шесть сорок.

Мира кивнула, будто всё ожидала.

— Зачем тебе был нужен мой звонок? — спросил я.

Она посмотрела на меня поверх стаканчика.

— Ты о чём?

— Ты знала, где искать четверг. А молчала, пока я не нашёл адрес сам.

— Потому что раньше ты мне не поверил бы.

— Не надо решать за меня, чему я поверю.

Она поморщилась от горячего чая. Потом протянула стаканчик мне.

— Тогда держи. Пей, пока он ещё существует.

Я взял чай. Это было первое человеческое тепло за ночь, которое никто не требовал зарегистрировать.

. . .

Тихая улица оказалась самой шумной в Береговом.

Сначала мы услышали, как строители разбивают бетон. Потом — как под окнами ругаются два водителя. Наконец, где-то в глубине двора начал лаять пёс. Он лаял ровно двенадцать раз, делал паузу и начинал сначала. Не уверен, кто дал ему такую работу, но выполнял он её добросовестнее городской администрации.

На карте Тихая кончалась у дома номер двенадцать. За ним начинался пустырь: сетка, строительный мусор, реклама квартир «с видом на будущее». Будущего в городе сейчас было немного, и квартиры, вероятно, должны были подешеветь.

Время показывало 04:47. До открытия ворот оставался час пятьдесят три минуты.

— Дом четырнадцать не снесли, — сказала Мира, остановившись перед забором. — Его исключили.

— Это разные вещи?

— После сноса остаётся место, где стоял дом. После исключения место считается никогда не принадлежавшим дому.

— И как его найти?

Она не ответила. Приложила ладонь к сетке. За забором что-то глухо ударило по металлу. На секунду я почувствовал

запах горячих тормозных колодок и мокрой шерсти.

— Здесь можно пройти, только если кто-то ждёт, — сказала она.

— Очень избирательная недвижимость.

— Тебя ждут.

На сетке появилась калитка. Не выросла из земли, не материализовалась с громом. Просто я заметил, что между двумя столбами есть ручка. Секунду назад её не было. Я вспомнил двери в переходе и впервые за всё утро решил не считать.

Мы вошли во двор.

Снаружи он выглядел пустырём. Изнутри — жилым кварталом: три пятиэтажных дома, старый киоск, треснувший фонтан и кирпичный павильон с вывеской «ДИСПЕТЧЕРСКАЯ». В окнах горел свет. У киоска курили двое мужчин в рабочих куртках. По дорожке катили коляску, а на балконе второго этажа кто-то вытряхивал ковёр. Всё было так буднично, что меня почти убедило. Пока я не увидел дату на газетном стенде.

Там было написано: «ЧЕТВЕРГ, 12 НОЯБРЯ».

Чуть ниже — «Среда, 11 ноября».

Листки висели один поверх другого, но ни один не закрывал другой. Глаз одновременно видел оба заголовка, а мозг не мог выбрать, какой сверху.

— Мне не нравится ваш местный календарь, — сказал я.

— Он честный, — ответил человек за моей спиной.

Старушка в красной вязаной шапке сидела на складном

стуле у диспетчерской. На коленях у неё лежали наручные часы, разобранные до винтика. Рядом стояла синяя жестяная коробка с инструментами. Ей было лет семьдесят. Лицо морщинистое и упрямое. Такие лица бывают у людей, которые слишком долго получали неправильные указания и наконец решили перестать слушаться.

— Тамара Семёновна Громова, — представилась она. — Диспетчер. Бывший, если спрашивать у мэрии. Настоящий, если спрашивать у трамвая.

— Лев Климов.

Она выронила отвёртку.

— Вы опоздали на восемнадцать лет, — сказала старушка.

Я удивился уже не сильно. Приятно иногда попадать в место, где твою непунктуальность оценивают с историческим размахом.

Тамара достала из коробки старый трамвайный компостер — металлические щипцы с потёртой пружиной.

— Покажите левую руку.

— Обычно люди хотя бы спрашивают, как у меня дела.

— У вас дела дрянь. Руку.

Я протянул ладонь. На ней проступила тонкая медная ручка, как тогда, у Старого моста. Тамара не коснулась её. Поднесла к коже щипцы, и металл издал тихий звук, похожий на бой двух часов одновременно.

— Один чужой исход, одна свободная правка, — пробормотала она. — Ни одной собственной отсрочки. Видишь,

Мира? Значит, он ещё не сломан окончательно.

— Он слышит, — заметил я.

— Это тоже временно.

Старушка оглядела двор, убедилась, что никто не подходит, и пригласила нас в диспетчерскую.

Внутри пахло машинным маслом и пирожками с картошкой. На стене висела карта городских маршрутов. Большинство линий были выцвевшими, будто их много раз стирали и снова рисовали. Красная линия проходила через Старый мост, больницу и прачечную. Вдоль неё стояли маленькие числа: 1, 2, 3, 4… до 18.

— У вас в городе были трамваи? — спросил я.

— До восемьдесят четвёртого, — ответила Тамара. — Рельсы сняли, вагоны отправили на переплавку. Официально. Потом город решил, что официально проще иметь автобусы.

Я вспомнил мокрые рельсы, блестевшие в ночь первого звонка. Я видел их собственными глазами. Слышал, как по ним катился воздух. Но Нина Зимина уверяла, что в Береговом вообще не было трамвайных путей.

— Я видел рельсы у набережной, — сказал я.

Тамара внимательно посмотрела на меня.

— Тогда вы уже стояли одним ботинком не там, где числились.

— Оба ботинка мои, — возразил я.

— Подотчётность — вещь ненадёжная. Особенно у обуви.

Она открыла железный шкаф. Внутри стояли папки, помеченные не годами, а днями недели: «Понедельники», «Вторники», «Среды»… Там, где должно было быть «Четверги», лежала толстая стопка красных конвертов. На каждом была цифра и маленькая дырочка от компостера.

— Когда Реестр проводит отсрочку, — начала Тамара, — ему нужно где-то держать отвергнутый промежуток. Не человека, не тело, не смерть. Время, в которое человек мог бы прожить иначе. Раньше такое называли недействительным рейсом. Вагон выехал из депо, но в расписании его нет. Пассажиры доехали — а доказать нечем.

— И вы собираете эти рейсы?

— Я храню билеты. Дни должны кому-то принадлежать, иначе их легко продать. Вчера узнала, что продают целый четверг.

Она выложила перед нами красный конверт. На нём стояло число «18».

— Ваш последний рейс, господин Климов.

— Что в конверте?

— Пока ничего. Его ещё не привезли.

Я оглянулся на Миру. Та стояла у окна, не подходя к карте.

— Ты и здесь была, — сказал я.

— Была.

— Сколько раз?

— Два.

— И что случилось в первый?

Мира посмотрела на дверь. Я понял, что в этом разговоре незнакомцы не нужны. Тамара тоже поняла — демонстративно вышла поставить чайник на общей кухне.

— В первый раз я опоздала, — сказала Мира. — Я пришла сюда утром. Дом уже не значился в реестре, но я слышала за забором голоса. Я звала, пока не сорвала горло. Никто не ответил.

— А во второй?

— Я вошла. Увидела женщину, которая думала, что у неё впереди ещё целый день. А через пятнадцать минут её дочь исчезла с фотографии, которую они только что сделали.

— Где она сейчас?

— Я не знаю.

Это был первый честный ответ Миры, который мне совершенно не понравился.

— Ты не сказала мне, что это уже повторялось.

— Я боялась, что ты решишь всё исправить сам. Ты уже однажды так сделал.

— В две тысячи восьмом?

Она резко повернулась. На лице появилось выражение, которое я запомнил ещё в переходе: человек видит приближающуюся машину, но не успевает оттолкнуть того, кто стоит на дороге.

— Я не могу рассказать тебе о том дне, — сказала она.

— Не хочешь?

— Не могу. Если назову источник раньше сверки, его со-

чтут моим свидетельством. И тогда у нас останется один голос, мой. Ты ведь только что научился, почему это плохо.

Я почти поверил. Почти. Но успел заметить, что Мира ни разу не сказала, будто источник — живой.

На стене щёлкнули часы. Все стрелки одновременно дёрнулись к двенадцати, потом вернулись назад.

— Это нормально? — спросил я.

— В этом месте, — ответила Мира, — сегодня не бывает нормального.

. . .

Тамара вернулась не с чаем, а с мальчиком лет двенадцати.

Он был худой, с расцарапанной скулой и в школьном пуховике поверх пижамы. В руке держал мятую фотографию. На ней женщина в оранжевой куртке смеялась, прижимая к груди бумажный пакет с пирожками. На обороте стояло время: «12.11.2026, 18:21».

— Это Рома, — сказала Тамара. — Пожалуйста, не говорите с ним, как с маленьким.

— Я и сам сейчас не вполне взрослый, — признался я.

Рома положил фотографию на стол.

— Я хочу, чтобы четверг удалили, — сказал он.

После этой фразы у меня внутри что-то неприятно опустилось. Я ждал угроз, инспекторов, мёртвых детей. Но не

ребёнка, который спокойно просит отдать день на уничтожение.

— Почему? — спросил я.

— Мама умрёт.

Мира села на подоконник. Тамара отвернулась к шкафу, оставив нас наедине.

— Откуда знаешь? — спросил я.

Рома раскрыл фотографию. В правом нижнем углу я увидел ещё один снимок, наклеенный поверх первого. Тот же переход. Та же женщина в оранжевой куртке. Но теперь она лежала на мокром асфальте. Над ней склонился мужчина в светоотражающем жилете. Красный свет отражался от стеклянной стены остановки.

— Сегодня ночью фотография сделалась двойной, — сказал Рома. — На первом снимке мама покупает пирожки, на втором умирает под трамваем. Мы живём здесь, и иногда вещи приходят раньше времени. Тамара говорит, это бывает, когда день хотят забрать.

— А мама знает?

— Я рассказал. Она говорит, что будет осторожной. Но я знаю, как она говорит. Она всегда обещает, что её никто не тронет, даже когда у неё температура сорок.

Он поднял на меня глаза.

— Если четверга не будет, она не умрёт. Правильно?

Я посмотрел на Миру. Она не вмешалась.

— Возможно, — ответил я.

— Тогда почему вы хотите его вернуть?

— Потому что у других людей в этот день тоже есть дела. В больнице ждёт перевозки мальчик. А ещё есть дети, которые в четверг могут родиться, люди, которые кому-то позвонят…

— Значит, ради чужих людей надо убить мою маму?

От этого вопроса хотелось отвернуться. Я ненавидел себя за то, что готов был произнести красивую речь о всеобщем благе, стоя напротив ребёнка, который показывал мне фотографию своей матери.

— Нет, — сказал я. — Я не хочу, чтобы она умерла. И не хочу, чтобы за это заплатил Кирилл или кто-то другой.

— А если нельзя спасти всех?

Я молчал.

Рома попытался улыбнуться. Получилось неубедительно.

— Вы же взрослые. Вам полагается знать.

В эти три слова он вложил столько усталости, что я почувствовал себя большим, глупым и совершенно бесполезным. С детства нас учили, будто взрослые могут решать. Потом взрослые подписывают бумаги, читают договоры мелким шрифтом и годами оплачивают ошибки детей, которые им поверили.

— Покажи мне место, — попросил я.

Он недоверчиво посмотрел на меня.

— Где мама должна умереть?

— Да. Если мы сейчас уберём опасность, может быть, она

вообще не подойдёт к трамваю.

— А разве будущее можно изменить без этих ваших… — Рома показал пальцами в воздухе кавычки. — Правок?

— Большинство людей каждый день его меняют. Они просто не получают за это уведомления.

Я очень надеялся, что сказал правду.

Рома повёл нас к пустырю. В самом дальнем углу стоял ржавый щит, на который кто-то наклеил рекламу мобильной связи. За ним проходила узкая дорога к бывшей трамвайной остановке. Рельсов не было. Зато рядом с пешеходным переходом висел старый светофор, никогда не светившийся зелёным. Красная лампа была разбита. По асфальту тянулись тонкие чёрные царапины.

— Вон там, — сказал Рома. — На фотографии мама лежит возле этой полосы.

Я присел, посветил телефоном. Царапины уходили под железную плиту, которой закрыли провал грунта. Край плиты был поднят, и из-под него торчал болт, острый как нож. Если человек споткнётся здесь, то упадёт прямо на воображаемый путь вагона.

Мы втроём поддели плиту ломом, найденным у киоска. С трудом вытащили болт, засыпали ямку гравием. Рома помог поставить рядом два дорожных конуса. Я сфотографировал место с трёх сторон.

— Значит, всё? — спросил он.

— Нет, — сказал я. — Теперь скажи маме, что сюда нель-

зя приходить ни завтра, ни послезавтра. И покажи ей фото. Если всё-таки понадобится — найдём человека, который будет стоять здесь с утра.

— Вы обещаете?

— Я обещаю не говорить, что проблема решена, пока мы не проверим.

Он кивнул. Это было меньше, чем он хотел, и больше, чем я имел право дать.

Когда Рома ушёл, Мира вдруг сказала:

— Ты мог сказать ему: четверга не будет, и всё закончится.

— Мог. Только это было бы чужое согласие за его мать. И за тех, кого я ещё не видел.

— В Отделе считают иначе.

— Поэтому меня туда и не зовут на работу.

Она посмотрела на часы на здании диспетчерской. Без пяти шесть.

— Сейчас начнётся предварительная синхронизация, — сказала она.

— В переводе с канцелярского?

— У них первая попытка вырезать четверг из расписаний. Если получится, красный вагон не найдёт остановку даже в шесть сорок. А без билета мы не узнаем, кто должен подтвердить существование дня.

— Можно остановить?

— Удержать. Не исправить. Это разные вещи.

Я посмотрел на ладонь. Медная ручка проявилась ярче, но рядом с ней впервые появилась маленькая чёрная отметка — словно пустое место для печати.

— Как?

— Я не знаю, — сказала Мира. — Не до конца.

И я ей поверил. Потому что она впервые не выглядела человеком, который скрывает готовую инструкцию.

. . .

В 05:59:50 над Тихой улицей включилась сирена.

Не полицейская и не пожарная. Негромкий электронный звук, которым обычно сообщают, что в магазине закрывается касса. Только здесь закрывали сутки.

На балконе третьего этажа женщина перестала вытряхивать ковёр. Ковёр завис над перилами, как твёрдая доска. В киоске пропали ценники на четверговую выпечку. Рабочий у фонтана попытался набрать номер телефона — экран показал «13 ноября», и трубка сама отменила вызов.

У часов на диспетчерской стрелки начали идти назад.

— Тридцать секунд! — крикнула Тамара, выскочив из здания с толстым журналом. — Лев, сюда!

Её страницы хлопали на ветру. На развороте была таблица: «НАЧАЛО РЕЙСА», «КОНЕЦ РЕЙСА», «НЕЗАВИСИМЫЙ СВИДЕТЕЛЬ». Графы прошлого года заполняли чужие подписи. Под сегодняшним числом пока была только од-

на отметка: «Синхронизация, 06:00».

— Если они закончат до приезда вагона, — сказала Тамара, — он привезёт пустой конверт. Восемнадцатый рейс спишут без получателя. Они скажут, что четверга никогда не выделяли.

— Что значит «удержать»? — спросил я у Миры.

— Не дать им поставить конечную печать. Идёт одно событие: удаление даты. Ты не можешь отменить его, пока оно продолжается. Но можешь не пустить к концу.

— За счёт чего?

— За счёт своего срока.

На ладони вспыхнула медная ручка. Рядом появилась чёрная пустая клетка.

«СОБЫТИЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ 12.11.2026».

«НАЧАЛО: 06:00:00».

«ПЛАНОВЫЙ КОНЕЦ: 06:00:01».

«ЗАДЕРЖКА ИСПОЛНЕНИЯ ВОЗМОЖНА ПРИ УСЛОВИИ НЕЗАВИСИМОГО ПОДТВЕРЖДЕНИЯ НАЧАЛА».

«УДЕРЖИВАЮЩИЙ ПРИНИМАЕТ НА СЕБЯ ПРЕДЕЛ ЗАДЕРЖКИ».

— Сколько у нас? — спросил я.

— Вагон должен прийти в шесть сорок, — сказала Тамара. — И ещё несколько минут, чтобы принять груз. Нужно сорок шесть.

— Сорок шесть минут личной жизни?

Мира не ответила. Тамара смотрела на меня мрачно. Я вспомнил про свои девять секунд — единственную разрешённую Правку, которую пока не потратил. За неё уже однажды забрали дорогое воспоминание. Теперь, похоже, можно было платить временем вперёд. А точный тариф висел где-то за границей объяснений.

— Нет, — сказал я. — Прежде чем соглашаться, мне нужно знать цену.

И почти сразу услышал, как на другом конце двора закричала женщина. С её балкона исчез ребёнок — маленький мальчик в синей пижаме. Не упал. Только что стоял рядом с матерью, держал верёвку от воздушного шара, и вот верёвка висела в воздухе сама. Женщина хватала пустоту руками.

— Это предварительная сверка, — сказала Тамара. — Начинают вынимать тех, кто зарегистрирован только в завтрашнем дне.

На часах было 06:00:00.

Мир дёрнулся. Один за другим забор, дом, фонтан сделались прозрачными. В окнах отражалось уже не наше небо, а голый пустырь. Люди бросились к диспетчерской. Я заметил Рому — он стоял в стороне, у сломанного светофора, и смотрел, как исчезает его квартал.

— Тамара! — крикнул я. — Вы видите начало?

— Вижу!

— Запишите его, своим почерком. Рома! Ты видишь, что

происходит?

Он кивнул, не двигаясь.

— Ты можешь подтвердить, что ровно в шесть начали удалять наш день? Даже если всё ещё хочешь, чтобы его не было?

Мальчик посмотрел на пустой балкон, с которого только что исчез ребёнок. Потом на фотографию матери, зажатую у него в кулаке.

— Вижу, — сказал он. — И мне всё равно страшно.

— Это нормально. Свидетель не обязан соглашаться. Только говорить, что видел.

Тамара пододвинула журнал. Рома расписался на полях. Его буквы плясали, но имя читалось. Снова вспыхнула надпись на ладони:

«НАЧАЛО ПОДТВЕРЖДЕНО ДВУМЯ НЕЗАВИСИМЫМИ НАБЛЮДАТЕЛЯМИ».

«ДОПУСК К ФУНКЦИИ: УДЕРЖАНИЕ ИСХОДА».

«ДЛИТЕЛЬНОСТЬ: 00:46:00».

«ОГРАНИЧЕНИЕ: ОДНО НЕЗАВЕРШЁННОЕ СОБЫТИЕ. НЕЛЬЗЯ ИЗМЕНИТЬ ЕГО СОДЕРЖАНИЕ ИЛИ ПРОДЛИТЬ УСТАНОВЛЕННЫЙ ПРЕДЕЛ».

«СТОИМОСТЬ: ОДНО ЛИЧНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ. ПОЛНОЕ ИЗЪЯТИЕ».

На секунду вокруг стало тихо. Мир словно ждал, готов ли я добровольно оставить в нём дыру.

И тогда я увидел то, что собирались забрать.

Мне было семь. Летний двор пах липовым цветом и нагретой резиной. На правой щеке саднила свежая ссадина, полученная при попытке научиться ездить на велосипеде без рук. Мама сидела на бордюре и смеялась. У неё было красное летнее платье, а на коленях — аптечка. Она сказала: «Страшно не падать. Страшно не вставать, когда можешь». Я помнил не только слова. Я помнил, как мне было хорошо от того, что она не отругала меня и не испугалась вместо меня.

Это был мой собственный день. Простой. Без убийств, бумажных смертей и красных трамваев. Я цеплялся за него много лет, хотя не думал о нём вслух.

Я мог отказаться.

Мира не давила. Тамара держала журнал открытым. Рома глядел мне прямо в глаза. Невидимая женщина на балконе продолжала кричать имя исчезнувшего сына.

— Запишите, — попросил я Тамару. — Лев Климов. Семь лет. Велосипед во дворе, разбитая щека. Мама смеялась в красном платье. Я хочу помнить, что это было счастье.

Она быстро записала. Я увидел, как перо оставило на бумаге настоящую синюю линию. Потом поднёс ладонь к пустой графе и произнёс:

— Удерживаю исполнение до шести сорока шести. Я понимаю, что не отменяю его.

Медная ручка стала холодной.

На секунду кто-то будто вынул из моей головы маленькую лампу. Я знал, что у меня была мать, что когда-то я катался на велосипеде и разбивал лицо. Но двор, платье, смех, мамины руки — всё это перестало быть моим. У Тамары осталась запись, а у меня — сухая справка о семилетнем мальчике. Точно так же можно знать, что когда-то был счастлив другой человек, и ничего при этом не чувствовать.

Над пустырём щёлкнуло.

Дома вернулись. На балконе женщина обняла мальчика в синей пижаме. Воздушный шар лопнул у них над головой, и ребёнок заплакал от неожиданности. Никогда ещё звук лопнувшего шарика не казался мне столь прекрасным.

На ладони появились две строки:

«ДОСТУП 2: ДЕРЖАТЕЛЬ СРОКА».

«УДЕРЖАНИЕ ИСХОДА АКТИВНО ДО 06:46:00. ПРАВО НА ВОЗРАЖЕНИЕ: 1, НЕ ИЗРАСХОДОВАНО».

— Ты справился, — тихо сказала Мира.

Я посмотрел на старушку с журналом, на мальчика с фотографией, на прозрачный край забора, через который проступал пустырь.

— Я выиграл сорок шесть минут, — ответил я. — Справимся, если у вас есть идеи, куда их потратить.

Тамара закрыла журнал.

— Встречать вагон. И не позволяйте контролёру пробить ваш билет раньше срока.

. . .

С шести утра до шести тридцати девяти я прожил целую короткую жизнь.

Сначала мы укрепляли калитку, которая временами превращалась в проволоку. Потом помогали жителям записывать на бумаге имена людей, исчезавших из календарных списков. Тамара диктовала адреса, Мира ставила печати старой диспетчерской, Рома носил чай в бумажных стаканчиках. Никто его об этом не просил; он просто заметил, что у старушки дрожат руки.

Я звонил Власовой каждые десять минут. Журнал был цел. Два Егора ещё дышали, каждый в собственном ритме. Мокрый иногда спрашивал, не ушёл ли трамвай без него. Алиса передала через мать, что это я могу забывать дни, а она — нет, поэтому мне лучше всё записывать. Трудно спорить с человеком, которому восемь, особенно когда он прав.

В 06:32 мой телефон показал текст:

«ДЕРЖАТЕЛЬ СРОКА: ОСТАЛОСЬ 14 МИНУТ».

Рядом пришёл обычный звонок. Я ответил и услышал Серафиму.

— Это прачечная, молодой человек? — спросила она. — Мира оставила у меня ваш номер. Вы не забыли рубашку?

У меня пересохло в горле.

— Нет. Как вы?

— Стираю. С тех пор как из центра прислали какое-то предписание, у меня в календаре пропал четверг. А у меня по четвергам дешёвая химчистка. Это серьёзное посягательство на малый бизнес.

Я улыбнулся. Неосознанно, как улыбаются, услышав знакомый голос из окна детства. Серафима не помнила меня, и всё-таки звонила, потому что не могла оставить незнакомого молодого человека без рубашки.

— Серафима, — сказал я, — если сможете, напишите на листе, что сегодня среда, а завтра должен быть четверг. Подпишите. И ничего не выбрасывайте.

— Вы что, из санитарной инспекции?

— Хуже. Из экстренной службы.

— О господи. Ну ладно. А вы поели?

Я закрыл глаза. На секунду у меня появилось нелепое желание рассказать ей всё — про мамин смех, который перестал существовать в моей голове, про красный вагон, про то, как трудно удерживать мир за одну секунду. Но ей пришлось бы снова принимать на себя чужую память. Я не хотел второй раз превращать её заботу в платёж.

— Поел, — соврал я.

— Так и знала, что нет. Приходите потом.

Она отключилась. Я положил телефон в карман и заметил, что Мира стоит рядом, поддерживая стену. На её губе снова

появилась кровь.

— Тебе нужен врач, — сказал я.

— Я была у врача.

— Пять минут. Это не считается полноценным медицинским обслуживанием.

— Ты заметил, что я не спрашиваю, что именно у тебя забрали?

— Заметил.

— Потому что ты уже не сможешь мне рассказать.

— И потому что ты боишься знать, — сказал я.

Она отвела взгляд, но не возразила. Я вдруг подумал: если однажды меня заставят выбирать между ней и теми, кого она скрывает, я, возможно, уже не вспомню, почему ей поверил. Мы оба были ходячими архивами, у которых кто-то методично вынимал самые важные страницы.

В 06:39 за пустырём зазвенело железо.

Сначала тихо, словно ложка ударилась о край стакана. Потом громче — настоящий трамвайный звонок. Под асфальтом зашевелилась длинная металлическая тень. Рома схватил меня за рукав.

— Он идёт!

Воздух вытянулся узкой красной полосой. Вдоль неё возникли рельсы — на секунду, не более, — и тут же утонули в чёрной воде. Из-за поворота вышел вагон. Красный, старый, с деревянными скамьями и огромным номером «0» на лобовом стекле. Колёса касались пустого асфальта и продолжали

вращаться так, будто внизу проходили невидимые пути.

В окнах сидели пассажиры. Мужчина с газетой, девочка с двумя косичками, женщина с букетом, пожилой рабочий, молодой парень в каске и ещё кто-то, уткнувшийся лицом в стекло. Все двигались. Кто-то поправлял волосы. Кто-то дышал на руки. Это были не призраки, которых удобно жалеть издалека, а люди, измученные чужой задержкой.

Вагон остановился точно у часов диспетчерской. Двери распахнулись. На ступеньку вышла кондуктор в тёмно-синем пальто. На её ногтях блестел красный лак. В руке она держала железный компостер.

— Проверяйте билеты, — объявила она. — День последний.

Егор всё вспомнил правильно.

Тамара шагнула навстречу, но кондуктор даже не взглянула на неё.

— Получатель груза, — сказала она, глядя на меня. — Фамилия?

— Климов.

— Ваш срок?

Я посмотрел на телефон.

«06:41:09. УДЕРЖАНИЕ: 00:04:51».

— Четыре минуты пятьдесят одна секунда.

Кондуктор кивнула так, будто это был вполне приличный ответ, и открыла металлический футляр.

Внутри лежал красный билет, весь в маленьких круглых

дырочках. На одном конце стояло «14.10.2008». На другом — «12.11.2026». Между ними тянулись семнадцать узких рядов цифр. Некоторые были перечёркнуты. Последний, восемнадцатый, оставался пустым.

— Выдайте расписку о получении, — сказала она.

— Сначала я прочитаю, что получаю.

— Пассажиры обычно не интересуются содержимым груза.

— Я плохой пассажир.

— Это указано в сопроводительном листе.

Она щёлкнула компостером. Перед моим лицом вспыхнула бумажная табличка:

«ГРУЗ: НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ДЕНЬ, 12.11.2026».

«НАЗНАЧЕНИЕ: ПОГАШЕНИЕ ОТСРОЧКИ № 18».

«ПОЛУЧАТЕЛЬ: Л. А. КЛИМОВ».

«УСЛОВИЕ ВЫДАЧИ: ПОДПИСАНИЕ АКТА ОТСУТСТВИЯ ДНЯ».

Вот и всё. Забрать четверг мне разрешали лишь после того, как я соглашусь, что четверга не было. Очень современная схема доставки: оплатите заказ, чтобы получить доказательство, что вам ничего не привезли.

— Не подпишу, — сказал я.

Кондуктор чуть улыбнулась. Улыбка была усталой, не злой.

— Тогда я увезу груз назад. И в шесть сорок шесть его спишут. В таком случае вы обязаны освободить остановку.

— А люди в вагоне?

— Они едут согласно билету.

— Куда?

Она впервые посмотрела на меня по-настоящему.

— Туда, где им дадут закончить день.

Я заглянул через её плечо. Мужчина с газетой поднял голову. Его газета была датирована четвергом. Женщина с букетом тихо повторяла имя, словно боялась, что оно исчезнет раньше, чем она выйдет. Пассажир, сидевший лицом к стеклу, медленно повернулся. Его лица я не увидел: вместо него на стекле отразился мой собственный десятилетний профиль.

— Мне не нужно принимать груз, — сказал я. — Мне нужно свидетельство того, что груз вообще существует.

Кондуктор закатила глаза. Наверное, нет существа на свете, которое ненавидело бы правильные формулировки сильнее сотрудника доставки.

— Свидетельство оставляют только при отправлении, — сказала она. — Но до отправления остаётся три минуты.

— А акт прибытия?

Она замерла.

— Что?

— Ваша остановка. Если вагон действительно пришёл в шесть сорок, значит, был рейс, у него есть начало и конец. Даже если я отказываюсь от груза, акт прибытия должен остаться у диспетчера. Иначе вы не сможете доказать, что

приехали вовремя. Вам ведь важно, чтобы за задержку не удержали из зарплаты?

Это была мелочная, почти стыдная мысль. Вагон увозил дни человеческой жизни, а я угрожал ему отделом кадров. Но судя по выражению кондуктора, попал в единственное место, где можно было причинить боль её работодателю.

Тамара уже держала журнал открытым.

— Прибытие наблюдали я и Рома, — сказала она. — Два независимых свидетеля. Время — шесть сорок ноль две. Номер вагона — ноль. Подписать готовы.

— Это не предусмотрено правилами, — произнесла кондуктор.

— Вы ведь сама спросили мой срок, — ответил я. — Значит, время имеет значение. Если событие имеет начало и конец, его нельзя назвать неслучившимся только потому, что кому-то не нравится накладная.

Медная ручка на ладони дёрнулась. Не как прежде, когда предлагала откат. Она словно повернулась в замке сама.

«ОБНАРУЖЕНО ПРОТИВОРЕЧИЕ ПРИБЫТИЯ».

«РЕЙС 0: ПРИБЫЛ».

«ГРУЗ 12.11.2026: НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРИЗНАН ОТСУТСТВУЮЩИМ ДО СВЕРКИ ПЕРВОИСТОЧНИКА».

Кондуктор захлопнула футляр. Красный лак на её ногтях пошёл трещинами.

— Ваше удовольствие, господин Климов, — сказала она, — когда-нибудь будет стоить слишком дорого.

— Уже стоит. Печатайте прибытие.

Она взяла у Тамары чистый бланк, пробила его двумя маленькими отверстиями и поставила подпись. Бланк остался у нас. Я успел увидеть на нём штамп:

«СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЙ ПАКЕТ № 18. КОНЕЧНЫЙ АДРЕС: ОТДЕЛ СОГЛАСОВАНИЯ».

Потом часы на диспетчерской показали 06:45:57.

— Три секунды, — прошептала Мира.

Я приложил акт прибытия к экрану телефона. Не фотографировал — дал камере считать каждую дырочку, каждую подпись, каждую цифру. Система долго молчала. Затем появился знакомый сухой текст:

«ВЫЯВЛЕНО ВЕЩЕСТВЕННОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ОБРАЩЕНИЯ С ЕДИНИЦЕЙ ВРЕМЕНИ».

«ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ: ОСТАНОВЛЕНО».

«ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ СВЕРКА: 12.11.2026, 00:00».

«ВОЗРАЖЕНИЕ: НЕ ИЗРАСХОДОВАНО».

В 06:46:00 я рухнул на колени. Никакого героического обморока — просто ноги вдруг стали совершенно чужими. Мира подхватила меня под плечо. Тамара прижала бланк к груди. Рома стоял возле красного вагона, стиснув фотографию матери.

На экране моего телефона между средой и пятницей появилась тонкая серая клетка.

«ЧТ, 12».

Не восстановленная. Не утверждённая. Всего лишь временно допущенная к рассмотрению.

Мне хотелось рассмеяться. Вместо этого я тяжело дышал и пытался вспомнить мамин смех. Не получилось.

Трамвай звякнул в последний раз. Двери закрылись. Когда он тронулся, пассажир у заднего окна поднял ладонь и прижал её к стеклу. Маленькую ладонь мальчика лет десяти.

Я видел только её. Но почему-то знал, что он смотрит прямо на меня.

. . .

В семь утра Тихая, четырнадцать, вновь исчезла с городских карт. На этот раз не целиком. Телефон показывал серый квадрат и подпись: «Объект на сверке». Тамара назвала это самой дорогой коммунальной услугой в истории квартала.

Жители расходились по квартирам, обсуждая, как прожить остаток среды. Рома помог старушке донести коробку в диспетчерскую. Потом подошёл ко мне.

— Я всё ещё хочу, чтобы мама была жива, — сказал он.

— Это желание не надо отменять.

— А четверг теперь будет?

— Я пока не знаю. Но завтра мы сможем говорить о том, что в нём случится. Не только согласиться с тем, что кто-то уже решил.

Он кивнул. Подумал. Затем протянул мне фотографию.

Теперь на снимке женщина в оранжевой куртке стояла под дождём с пирожками и смотрела прямо в объектив. Второго, страшного кадра больше не было. Исчезло ли предсказание из-за починенного перехода или фотография просто прятала будущее, я не знал. И не стал обещать, что всё закончилось.

— Подержите, — попросил Рома. — Пока мама не вернётся с работы.

Я вернул ему снимок.

— Лучше сохрани у себя. Я последнее время плохо держу чужие жизни.

Рома спрятал фотографию под пуховик и побежал домой.

Тамара осталась с актом прибытия. Она сказала, что отвезёт его в больницу к Власовой: там уже есть прошитый журнал и два независимых свидетеля, а значит, документ будет труднее объявить ошибкой одного человека. Мы с Мирой собирались ехать в Отдел согласования. Сначала я хотел допросить инспектора насчёт моей подписи в две тысячи восьмом. Потом понял, что никто не выдаст мне ответы через обычную приёмную.

— Подожди, — сказала Тамара, когда мы вышли к калитке. — В бланке есть то, чего ты не заметил.

Она перевернула акт. На обороте были напечатаны восемьдесят шесть коротких строк. Восемьдесят четыре содержали одинаковую формулу: «Отсутствие возражений подтверждено автоматически». Восемьдесят пятая была моей: «Л. А. Климов. Ожидается выбор».

Последняя, восемьдесят шестая, первоначально была пустой. Теперь там проступило имя.

Я нагнулся ближе.

«ЛЕВ АНДРЕЕВИЧ КЛИМОВ».

«ВОЗРАСТ НА ДАТУ ПЕРВИЧНОГО УЧЁТА: 10 ЛЕТ».

«СТАТУС: УМЕР 14.10.2008».

«ПРАВО СОГЛАСИЯ: НЕ ПЕРЕДАНО».

У меня пересохло во рту.

В списке нас было двое: Лев, которому двадцать восемь, и Лев, который навсегда остался десятилетним. Один не ответил на вопрос об удалении четверга. Второго система не могла спросить, потому что он, по собственным документам, умер восемнадцать лет назад.

На обороте была ещё одна строка, напечатанная детскими неровными буквами. Я узнал почерк с фотографии — той самой, где мальчик стоял у зелёных обоев и держал лист «НЕ СОГЛАШАЙСЯ».

«КОГДА ОНИ СПРОСЯТ ПРО ЧЕТВЕРГ, ПРИХОДИ ЗА МНОЙ В ОТДЕЛ. НЕ ПОЗВОЛЯЙ ИМ ПОДПИСАТЬ ЗА НАС».

Ниже стояло время: «12.11.2026, 00:00».

Мира прочитала и побледнела.

— Ты знаешь, где он? — спросил я.

Она покачала головой.

— Но знаю, кто туда его отвёл.

По другой стороне пустыря прошёл высокий мужчина с

чёрным зонтом. Не ускоряя шага, он остановился возле дорожного знака и посмотрел на нас. Даже с такого расстояния я разглядел светлое пальто и знакомую вежливую осанку.

Инспектор Отдела согласования приподнял зонт, точно приветствуя опоздавших гостей.

Потом он достал из кармана красный детский носок.

И я понял, что нас приглашали не на проверку.

Нас приглашали завершить то, что началось в две тысячи восьмом.

ГЛАВА 5
Отдел согласования

В семь ноль три утра я обнаружил, что самым неприятным человеком в Береговом может быть не убийца, не участковый и даже не сотрудник управляющей компании.

Самым неприятным человеком оказался мужчина, который держал в руке детский носок и смотрел на меня так, будто мы заранее договорились о встрече, а опоздал только я.

Инспектор стоял на противоположной стороне пустыря. Светлое пальто, чёрный зонт, чистые ботинки. На мокром асфальте возле него не было ни единой капли. Дождь просто менял направление за полметра до его плеч.

— Господин Климов, — произнёс он. — Доброе утро.

— Это ещё не утверждено, — ответил я.

Он чуть склонил голову. От нашего последнего разговора прошло несколько часов, но у меня было ощущение, что инспектор вообще не знаком с ночами. Люди спят, стареют, в отчаянии пьют растворимый кофе. Инспекторы, вероятно, каждое утро достают себя из папки в идеальном состоянии.

— Я надеялся, что вы придёте добровольно.

— А я надеялся, что после детской реанимации меня перестанут приглашать в учреждения. Видите, как много у нас общего.

Мира держалась на шаг позади. Из трещинки на её губе снова проступила кровь. Я заметил, как она смотрит не на инспектора, а на красный носок, зажатый между его пальцами.

— Где мальчик? — спросил я.

— Какой из них?

Подобные ответы отлично объясняли, почему людей в светлых пальто редко приглашали на семейные праздники.

— Десятилетний Лев Климов. Тот, которого вы видели четырнадцатого октября две тысячи восьмого. Тот, кто передал Серафиме рубашку и носок. Тот, чьё право согласия вы так и не получили.

Инспектор перевернул носок. На пятке темнела крошечная дырка, зашитая красной ниткой. Я не помнил этой вещи, но пальцы моей левой руки сами собой сжались. Как сжимается ладонь человека, который когда-то держал чужую ладонь и всё ещё ждёт, что ему ответят.

— Он находится там, где ему положено находиться, — произнёс инспектор.

— На кладбище? Или в вашем отделе?

— Вы уже видели, как ненадёжны подобные различия.

— Тогда сделайте мне одолжение. Дайте адрес. Я отправлю ему открытку.

Инспектор аккуратно сложил носок и убрал его в карман.

— Вас приглашают на служебную сверку. Вы как раз требовали её проведения. Мы готовы принять вас сегодня.

— Сегодня среда, — сказал я. — У меня в календаре ещё остаётся завтра. До полуночи можете даже не начинать.

— Окончательная сверка состоится в ноль часов двенадцатого ноября, — согласился он. — А вот проверка пригодности ваших доказательств — сейчас. Если акт прибытия будет признан ненадлежащим, ждать полуночи незачем.

Я представил Тамару с бумажным бланком, Власову с прошитым журналом и двух Егоров под одним больничным полотенцем. Очень удобно было называть все эти вещи ненадлежащими. Слова «живые дети» для этого не подходили: слишком много букв и слишком мало полномочий.

— У вас есть письменное приглашение?

Он достал тонкую карточку. Белую, без печатей. На ней было только три строки:

«ОТДЕЛ СОГЛАСОВАНИЯ».

«ПРОВЕРКА НЕПРЕРЫВНОСТИ ДЕЛА 441-08».

«ПРИСУТСТВИЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СОГЛАСИЕМ».

Последнюю строку я прочитал дважды.

— А почему вы раньше об этом не упоминали?

— Вы раньше не спрашивали.

— Так вам действительно можно верить?

— Нет, — честно сказал инспектор. — Но документу можно предъявить претензию. Мне — только вопрос.

Я забрал карточку за левый угол, не прикасаясь к его руке. Она была холодной, как лист бумаги, который слишком долго лежал в холодильнике. У нижнего края проступил мелкий

шрифт:

«ЗАЯВИТЕЛЬ ОБЯЗАН ОБОЗНАЧИТЬ ЦЕЛЬ ВИЗИТА».

— Сверить первоисточник и оспорить восемьдесят четыре автоматических согласия, — произнёс я.

Инспектор едва заметно отступил.

Вот это мне понравилось. За ночь он улыбался на моих глазах, ломал часы, пытался отдать ребёнка в счёт чужого долга, но впервые сделал маленький шаг назад.

— Восемьдесят четыре согласия не оспариваются без полномочий заинтересованных лиц.

— Я не говорю, что они против. Я хочу знать, как вы установили, что они за.

Мира вдруг кашлянула. Не громко, но так резко, что я повернул к ней голову. Она смотрела на приглашение. Пальцы её дрожали.

— Лев, — сказала она. — Последнюю строчку ты правильно прочитал. Не разрешай им заменить её другой.

— Я вроде не похож на человека, который добровольно редактирует приглашения от убийц.

— Там не всегда спрашивают добровольно.

Инспектор закрыл зонт. Дождь, который не касался его, обрушился на асфальт двумя плотными струями. Между нами и пустырём появился проход: узкая сухая дорожка, уходящая прямо в серую стену бывшего торгового центра.

Ещё минуту назад на стене висел баннер «СДАЁТСЯ В

АРЕНДУ». Теперь там была стеклянная дверь с медной ручкой и маленькой табличкой «ПРИЁМ ГРАЖДАН».

— Прошу, — сказал инспектор. — И постарайтесь не потерять карточку. Без неё выход считается самовольным отсутствием.

— У вас есть услуги, в которых не участвует слово «отсутствие»?

— Столовая, — ответил инспектор. — Но я не рекомендую комплексный обед.

Мы с Мирой пошли к двери.

В отражении её стекла за моей спиной шёл ещё кто-то. Невысокий мальчик в слишком большой рубашке. Я обернулся.

На пустыре никого не было.

Зато на внутренней стороне двери кто-то написал пальцем по запотевшему стеклу:

«НЕ НАЗЫВАЙ МЕНЯ СОБОЙ».

. . .

В Отделе согласования было тепло. И пахло не смертью, не пылью, не сгоревшими воспоминаниями.

Пахло дешёвыми булочками с корицей.

Это меня окончательно вывело из себя. Если строишь учреждение для отмены чужих жизней, имей хотя бы порядочность сделать там мрачный холл. Вместо этого нас встре-

тили цветы в пластиковых горшках, автомат с талонами и плакат «МЫ ЭКОНОМИМ ВАШЕ ВРЕМЯ».

Под плакатом висела приписка мелким шрифтом: «Невостребованное время возврату не подлежит».

В очереди сидели четверо. Мужчина в строительной каске, женщина с пакетом яблок, сутулая старушка и девушка в школьной куртке с рюкзаком, на котором болтался брелок в виде кошки. Все выглядели так, словно их вызвали уточнить границы земельного участка.

Только у мужчины из-под каски шла тонкая струйка песка. Женщина с яблоками время от времени доставала из па-

кета плод, осматривала его и клала обратно — но каждый раз яблоко возвращалось с откушенным боком. Старушка вязала длинный белый шарф; законченные петли распускались у неё в руках. А девушка тихо повторяла одну фразу:

— Я же пришла. Я ведь пришла вовремя.

Я видел таких людей в своей работе. Людей, чья запись не совпадала с тем, что случилось. Обычно звонки просто отмечали как некорректные.

Теперь они сидели в очереди, которую некому было исправить.

— Не разговаривай с ожидающими, — шепнула Мира.

— Они опасны?

— Им опасно с тобой.

За стойкой регистрации сидела молодая женщина в вязаном жилете. Её бейджик гласил: «НЕЛЯ ВОЛКОВА. ОПЕРАТОР ПРИЁМА». Под монитором стояла кружка с надписью «БЫСТРО — НЕ ЗНАЧИТ ХОРОШО».

— Доброе утро, — сказала Неля. — Дата обращения?

— Одиннадцатое ноября, — ответил я.

— Среда?

— Пока да.

Она подняла глаза. Мне показалось, что она сейчас улыбнётся, но не улыбнулась.

— Форма обращения?

— Проверка непрерывности дела четыреста сорок один — ноль восемь.

Я положил карточку на стойку. Неля прочитала, потом ещё раз, затем тихонько выдвинула ящик. Внутри лежал степлер. Она достала его, положила поперёк своей клавиатуры и только тогда сказала:

— Ваша цель визита должна быть проговорена собственным голосом.

— Сверить первоисточник дела 441-08. Оспорить процедуру автоматического подтверждения отсутствия возражений у восьмидесяти четырёх заинтересованных лиц. Присутствие не означает согласия.

Клавиатура под степлером дёрнулась. Несколько клавиш попытались нажаться сами. Неля сильно придавила их железной спинкой степлера.

— Записано, — сказала она. — Вы с сопровождающей или с представителем?

— С Мирой Савиной. Она меня сопровождает.

— Представителя не заявляете?

— Не заявляю.

Мира медленно выдохнула.

Неля посмотрела на неё, на старую ссадину у губы, на серебристые следы краски возле ногтей.

— Дежурному инспектору сообщить?

— Он нас привёл, — ответил я.

— Тогда сообщать не буду. Внутренние уведомления у нас иногда работают в обе стороны.

Она выдала два талона. На моём было «85». На Мирином

— «СВИДЕТЕЛЬ ПОСЕТИТЕЛЯ». Под номером напечатали время приёма — 07:14 и срок действия — 07:17.

— Три минуты? — спросил я.

— Три минуты до автоматического закрытия обращения без возражений. Потом вам выдадут новый талон.

— А первый зачтут как согласие?

— В большинстве случаев, — ответила Неля.

Она выговаривала слова с осторожностью человека, который каждое утро работает с растяжками на тротуаре.

— Но я же уже заявил возражение.

— Вы заявили цель проверки, — уточнила она. — Это разные поля.

— Тогда внесите, что я возражаю против закрытия обращения без моего участия.

Неля открыла рот. Монитор перед ней мигнул, и на нём появился маленький красный значок. Я не успел прочитать подпись. Она очень быстро перевернула бейджик чистой стороной наружу.

— Повторите, — попросила она, — но скажите «прошу зарегистрировать заявленное возражение». Иначе программа примет это за эмоциональную оценку.

Я повторил. Где-то за стеной пронзительно завизжал принтер.

Неля распечатала ещё один талон, прикрепила его к первому двумя скобами и положила передо мной.

— Теперь ваш срок не истечёт без решения по существу.

— За это вам сделают выговор?

— По возможности, — ответила она. — До сих пор отдел умеет делать выговоры только тем, кто продолжает существовать.

Инспектор стоял возле турникетов. На его лице не изменилось ничего. Только зонт, прислонённый к стене, начал медленно открываться, словно встревоженная птица.

Мира потянула меня за рукав.

— Она помогла, — сказала она почти беззвучно.

— Я заметил.

— Не благодари вслух. Здесь любое признание за что-нибудь считается.

Я убрал талоны во внутренний карман. Пока мы шли мимо очереди, девушка со школьным рюкзаком подняла голову.

— Простите, — спросила она, — а если у меня вчера было завтра, меня могут принять сегодня?

Мира сжала мою руку так сильно, что я едва не вскрикнул. Но я всё-таки остановился.

— Как тебя зовут?

— Соня.

— Соня, ты помнишь, когда сюда пришла?

— В четверг. Я ведь пришла вовремя.

Она сказала это так тихо и настойчиво, будто от ответа зависело, позволит ли кто-то её матери забрать её домой.

За стойкой Неля шумно уронила степлер.

— Посетитель восемьдесят пять, — объявил динамик. — Не вступайте в контакт с лицами, ожидающими подтверждения.

Инспектор взялся за ручку турникета.

— Нам пора, — сказал он.

Я запомнил Соню и её кошачий брелок. На случай, если потом кто-нибудь спросит, сколько людей сидело в очереди.

. . .

За турникетом оказался коридор без окон. Над каждой дверью висели круглые часы. Ни одни не показывали семь пятнадцать.

На первых было 12:01. На вторых — 18:40. На третьих — 03:00. Четвёртые стояли на 02:21:14. Я узнал время, назначенное для смерти Алисы, и едва удержался от желания разбить циферблат кулаком.

— У вас не хватает часов, — заметил я. — Могли бы устроить выставку.

— Они соответствуют времени исполнения различных решений, — ответил инспектор. — Часть решений отложена. Остальные часы вам знать не обязательно.

— Что будет, если разбить часы?

— Заменят стекло.

— Событие всё равно наступит?

— Разумеется.

Это был первый разумный ответ инспектора за ночь. Он так меня разозлил, что я решил поверить ему хотя бы в этом.

В конце коридора находился лифт, похожий на старый шкаф для документов. Вместо этажей — кнопки «РЕГИСТРАЦИЯ», «СВЕРКА», «ВЫДАЧА», «АРХИВ» и «ПЕРВОИСТОЧНИК». У последней не было подсветки. Кто-то процарапал на ней маленькую косую черту.

— Нам в архив, — сказал инспектор.

— Нам к первоисточнику.

— Для этого требуется допуск.

— Так выпишите.

— Он не выписывается. Возникает при наличии оснований.

— Основания у меня на руках.

Я показал талоны. Инспектор улыбнулся уголком рта.

— У вас основание не соглашаться с процедурой. Не путайте его с правом изменять прошлое.

— Я вообще считаю прошлое очень принципиальным. Оно единственное, что пока не возражает против моего существования.

Мы спустились на этаж «СВЕРКА». Лифт двигался без звука. Только в какой-то момент я почувствовал запах мокрой детской одежды и услышал стук металлического колеса. Когда двери разошлись, запах исчез.

За длинным столом под лампой сидели двенадцать служащих. Каждый держал перед собой пустой лист и подно-

сил к нему печать. После удара на бумаге появлялась фраза «ОТСУТСТВИЕ ВОЗРАЖЕНИЙ ПОДТВЕРЖДЕНО АВТОМАТИЧЕСКИ».

Листы отправлялись в прозрачные желоба. Желоба уходили в стену. Служащие работали с такой скоростью, будто заполняли новогодние открытки людям, которых ненавидели.

В углу стоял большой счётчик. Он медленно перелистывал цифры:

«СОГЛАСОВАННЫХ ОТСУТСТВИЙ С НАЧАЛА СУТОК: 34 116».

Я остановился. Подумал о Соне в очереди, о Кирилле Лосеве и о том, как легко было бы не увидеть их среди тридцати четырёх тысяч.

— Это все умершие? — спросил я.

— Не только. Сорванные встречи, непроизнесённые слова, неудачные повороты. Большинство людей никогда не узнает, что от чего-то отказалось.

— Значит, вы собираете ненужное?

— Мы обрабатываем несовместимые исходы. Реальность не может исполнить два взаимоисключающих события в одной точке.

— Два Егора в больнице с вами не согласны.

Один служащий поднял голову. Чернила стекали с его лица тонкой чёрной полосой. Он прикрыл рот ладонью и очень медленно опустил взгляд на свой лист.

— Как раз поэтому мы и проверяем ваши свидетельства,

— сказал инспектор.

Он подвёл нас к стеклянному кабинету. На табличке значилось «СЛУЖБА ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ЗАЯВИТЕЛЕЙ».

За стеклом не было ни одного человека. Только стул с ремнями, письменный стол и часы, у которых вместо стрелок были два указательных пальца.

— Садитесь, господин Климов.

— Нет.

— Мы ещё даже не предложили вам подписать акт.

— Зато уже подготовили ремни. У нас в городе так знакомятся только очень плохие стоматологи.

Мира подошла к стеклу. От её дыхания на нём появилась запотевшая полоска. В этой полоске я на секунду увидел отпечаток маленькой ладони — с другой стороны.

— Не входи туда, — сказала она.

Инспектор поджал губы.

— Госпожа Савина, вы уже дважды присутствовали на процедурах в качестве постороннего наблюдателя. Обе завершились вашим вмешательством.

— И обе — вашей ошибкой, — ответила она.

— Вы помните результаты.

— Помню не всё.

Он посмотрел на неё с выражением человека, который знает точную сумму чужого долга, но не собирается обсуждать её при свидетелях.

— На этот раз вы можете остаться снаружи.

— На этот раз, — сказала Мира, — я хочу, чтобы кто-нибудь вышел.

Что-то треснуло в кабинете. На стуле застегнулся первый ремень.

Я вернулся к инспектору и поднял оба талона.

— Я пришёл на проверку действий вашего отдела. Если вы посадите меня туда, это станет новой процедурой. И мне снова придётся возражать. У вас есть более экономный способ испортить себе утро?

За спиной пискнул телефон. На дисплее всплыло уведомление от Лады:

«НАШЛА В ОПИСИ 0-18-4: ДЛЯ ПРОВЕРКИ ПЕРВОИСТОЧНИКА НЕОБХОДИМЫ ТРИ НЕЗАВИСИМЫХ НОСИТЕЛЯ. ДВА ИЗ НИХ НЕ ДОЛЖНЫ РАБОТАТЬ В ОТДЕЛЕ. НЕ ОТДАВАЙ ОРИГИНАЛЫ».

Следом пришло второе:

«И ЕЩЁ, ЛЁВА. У МЕНЯ В АРХИВЕ НЕТ НИ ОДНОГО ДОКУМЕНТА О ТОМ, ЧТО ТЫ ПОКИНУЛ БЕРЕГОВОЙ ПОСЛЕ 2008. ОСТОРОЖНЕЕ С ТВОИМ ДЕТСТВОМ».

Я поднял глаза.

— Мне нужна ведомость автоматических согласий. Полная, с основаниями внесения. А ещё адрес трёх носителей первоисточника. И я не собираюсь садиться, пока мне не объяснят, кто подписывал за ребёнка, которого у вас признали мёртвым.

Счётчик за стеклом перестал щёлкать.

Инспектор смотрел на меня долго, затем повернулся к своему кабинету. Впервые за весь разговор он не предложил мне соглашение.

— Хорошо, — сказал он. — Начнём с того, почему ваш вопрос нельзя было задавать.

. . .

Он провёл нас мимо двенадцати служащих в комнату с табличкой «МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ». Там было тесно, как в подсобке школьной библиотеки. Полки до потолка, три железных шкафа, стол, на столе — лупа и тонкая пачка бланков. На самой верхней полке лежала коробка с надписью «СОГЛАСИЯ ПО УМОЛЧАНИЮ. ОБРАЗЦЫ УСПЕШНОГО ПРИМЕНЕНИЯ».

Я понял, что настоящие чудовища в этом здании жили не в подвале.

Они жили в методичках.

— Начните с простого, — сказал инспектор. — В каждом зарегистрированном исходе есть участники. Если никто не возражает, решение проходит автоматически. Так существует любой распорядок. Автобус отходит в девять, даже если кто-то не пришёл на остановку.

— Но ваш автобус объявляет, что не пришёл пассажир, которого ещё не родили. И на этом основании забирает оста-

новку.

— Отчасти верно.

Он открыл шкаф. Внутри, подвешенные на металлические зажимы, висели восемьдесят четыре прозрачные папки. На каждой были имя и дата. Я узнал «КИРИЛЛ ЛОСЕВ», «РОМАН Г.» и «ЗИМИНА Н. Ю.». Последняя бумага сопровождалась отметкой о распределении исходов её детей. Возле имени женщины в оранжевой куртке стояло: «ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ СОГЛАСИЕ: ДОСТАТОЧНО».

— Кто из них дал согласие? — спросил я.

Инспектор аккуратно достал папку Кирилла.

«СУБЪЕКТ: ЛОСЕВ КИРИЛЛ, 6 ЛЕТ».

«СОБЫТИЕ: ПЕРЕВОЗКА 12.11.2026, 08:40».

«СОГЛАСИЕ С ОТСУТСТВИЕМ СОБЫТИЯ: ПОЛУЧЕНО В СВЯЗИ С ОТСУТСТВИЕМ ЗАЯВЛЕНИЯ В УСТАНОВЛЕННЫЙ ДЕНЬ».

Я прочёл последнее предложение три раза. Оно становилось хуже с каждым.

— Как он мог подать заявление двенадцатого ноября, если двенадцатое ноября вы собираетесь удалить?

— Не мог.

— И вы считаете это согласием?

— Именно.

— Это не логика. Это издевательство, у которого есть собственный принтер.

Инспектор сложил руки за спиной.

— Вы наконец понимаете предмет проверки. Раньше подобные противоречия решались специалистами вручную. Но людей становилось больше, вероятных исходов — ещё больше. Кто-то предложил облегчить процедуру. Субъект, не предъявивший своевременного возражения, считается не возражавшим. Если день не наступит, своевременное возражение невозможно. Значит, процесс не встречает препятствий.

— Кто предложил?

— Первоначальное дело четыреста сорок один — ноль восемь.

Я посмотрел на папки. В одной был нарисован детский зонтик. В другой — схема моста. В третьей я увидел фотографию сапожек, и у меня внезапно захотелось взять их в руки, хотя я даже не знал владельца.

— Вы утверждаете, что эта система возникла из-за ребёнка?

— Я утверждаю, что в том деле впервые зафиксирована юридически успешная замена возражения отсутствием возражения. Разницу, как вы уже поняли, сотрудникам удобнее не замечать.

Мира сделала шаг к шкафу. Инспектор закрыл его дверцу у неё перед лицом.

— У вас нет доступа к ведомости, госпожа Савина.

— Я стою рядом с заявителем.

— Вы лишь свидетель его присутствия.

— А если заявитель сейчас скажет, что видел восемьдесят четыре папки и одну очевидную подделку?

Инспектор повернулся ко мне.

— Тогда я предложу ему доказать подделку. До тех пор это утверждение.

Я достал телефон. На экране время показывало 07:38. Под ним висело предложение, от которого не удавалось избавиться: «СОГЛАСЕН» или «НЕ СОГЛАСЕН». Серый четверг между средой и пятницей смотрелся как синяк.

— Я могу изучить полную ведомость?

— При наличии основания.

— Талон есть. Подтверждение прибытия трамвая есть. Власова с Ельцовой подписали журнал. Моя цель зарегистрирована. Сколько оснований вам надо, чтобы вы перестали говорить «при наличии»?

— Три независимых носителя первоисточника, — ответил инспектор. — Один у вас. Второй у других лиц. Третий утрачен. По крайней мере так числится.

— Что считается носителем?

— Материал, способный подтвердить событие, даже если регистрация события исчезнет. Бумага, которую нельзя переубедить. Голос, записанный до удаления. Вещь, оставшаяся после события и никогда не входившая в систему. Но одно и то же событие должно быть отражено ими независимо.

— А что это за событие?

Он посмотрел в угол комнаты. Там стояла маленькая дет-

ская вешалка, на которой висел пустой красный крючок.

— Выход ребёнка из здания вечером четырнадцатого октября две тысячи восьмого года.

— Но он умер в этот день.

— Именно поэтому документ о его выходе так важен.

Мне стало холодно. Я не знал, радоваться ли тому, что в десять лет мог выйти из здания, или бояться, что меня до сих пор держат внутри.

— Где тот документ?

— В первоисточнике. И ещё, господин Климов: если он подтвердит, что ребёнок покинул отдел живым, возникнет вопрос, кто тогда умер по делу 441-08. Я не советую задавать его, пока вы не готовы принять ответ.

— Вы, кажется, не заметили, что мы уже потеряли право выбирать удобные вопросы.

Я двинулся к двери. Инспектор не остановил меня.

— Ваша карточка истечёт, когда процедура будет признана исполненной, — сказал он. — Не в три минуты. И не в полночь. Когда мы закончим с вашим возражением.

— Прекрасно. Значит, я пока здесь нужен.

— Вы и тогда были нужны, — тихо ответил он.

. . .

В коридоре я остановился возле аварийного выхода. Над ним горела зелёная табличка, но вместо человечка на ней

бежала маленькая бумажная фигурка без лица.

— Сколько раз ты входила сюда? — спросил я Миру.

— Дважды. Я уже сказала.

— Меня интересует не число, а то, кто вышел.

Она прикоснулась к губе. На пальце осталась кровь. Мира долго смотрела на неё, будто проверяла, существует ли эта часть её тела.

— Первый раз я пришла за человеком, — сказала она. — Мне показали его в списке ожидающих. Я назвала его имя. После этого мне выдали справку, что он никогда не приходил, а я ошиблась дверью.

— Кто это был?

— Если назову здесь, они завершат ту проверку.

— А второй раз?

— Я пыталась вывести запись. Не человека. Девять секунд звука. В ней кто-то успевал сказать «нет» до того, как его сочли согласившимся.

Я вспомнил голос мальчика в файле 441-Ч. «В четверг ты ещё можешь выбрать». Девять секунд были для меня пределом правки. Для Миры — продолжительностью целой борьбы.

— Запись осталась?

— Я успела переслать её наружу. Поэтому запись теперь существует в двух местах. Из-за этого меня и заметили.

— Кому переслала?

Она посмотрела на мой телефон.

Я понял раньше, чем услышал ответ.

— Ночному аудитору экстренных вызовов, — произнесла Мира.

Я хотел немедленно спросить, как давно она выбрала меня, зачем звонила о собственной смерти и откуда знала голос десятилетнего мальчика. Вместо этого увидел за её плечом мужчину в рабочем комбинезоне. Он нёс огромную коробку пустых папок.

Мужчина шёл к аварийному выходу. На каждом шаге у него исчезал кусок тени. Сначала пятка. Потом плечо. Потом весь силуэт, кроме коробки. Коробка продолжала двигаться по воздуху сама.

— Мира, — тихо сказал я. — Мы одни?

— Нет.

— А кто ещё?

— Сотрудники отдела не считаются.

— Я спрашиваю не для статистики.

Она резко обернулась. Коробка упала. Папки рассыпались, как белые птицы, и между ними проявился человек с вывернутым набок лицом. Не страшно вывернутым, а неправильно: нос был в том месте, где должна находиться щека, глаз смотрел с затылка, рот находился у воротника.

Он не закричал. Он посмотрел единственным видимым глазом на меня и спросил:

— Акт приёма есть?

— Какой приём? — ответил я, отступая.

— Материала.

Он поднял руку. Пальцы у него были обычными, человеческими. На большом виднелась мозоль от ручки. На ладони лежал резиновый штамп.

«ПОЛУЧЕНО ДЛЯ УТИЛИЗАЦИИ».

— Не трогай, — сказала Мира. — Он уводит то, что не внесли в список.

Человек повернул неправильное лицо к ней. Его рот стал распрямляться. Из него посыпались бумажные скрепки.

Я потянул Миру к лестнице. Но лестница оказалась короче, чем минуту назад. Между нами и дверью было всего три шага, а мы сделали семь. В коридоре прошелестел голос динамика:

«НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ МАТЕРИАЛ НА ТЕРРИТОРИИ СВЕРКИ».

— Это про нас? — спросил я на бегу.

— Про то, что мы увидели папки.

— Даже воспоминания у вас забирают по описи!

На ладони вспыхнула медная ручка.

«СВИДЕТЕЛЬ. ДОСТУПНА ПРАВКА: 1».

«ВОЗМОЖНО ИЗМЕНЕНИЕ ОДНОГО ДВИЖЕНИЯ. ВОЗВРАТ: 9 СЕКУНД».

Чуть ниже возникла строка:

«ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ: ПАМЯТЬ, СВЯЗАННАЯ С ВЫБОРОМ МЕЖДУ ДВУМЯ ЛЮДЬМИ».

Я сбился с шага. Не потому что предложение удивило.

Потому что я не понимал, что у меня ещё осталось такого, что было бы страшно отдать. Уже исчез тёплый вечер с неизвестным мужчиной. Уже выпало из моей жизни лицо матери в красном платье, когда она утешала меня после падения. Забрать решение между двумя людьми означало стереть не эпизод, а причину одного из поступков. Оставить в голове результат без права помнить, почему он был нужен.

— Нет, — сказал я.

Медная ручка погасла. Не израсходовалась. Просто ждала.

Служащий догонял нас неторопливо. Он двигался так, словно не существовало причин спешить: всё, что он хотел получить, уже принадлежало его отделу.

Впереди стоял аппарат для печати пропусков. За стеклом вращались маленькие круглые ножи. Я схватил с полки пластиковую табличку «ВЫХОД ПО ПРОПУСКАМ», отломил её от основания и бросил за спину.

Табличка упала перед ногами служащего. На ней было выдавлено слово «ВЫХОД». Он остановился и приложил к ней печать.

«ПОЛУЧЕНО ДЛЯ УТИЛИЗАЦИИ».

Табличка исчезла, словно её вырезали из фотографии. На полу осталась только чистая плитка.

— Он обязан сначала принять предмет, который оказался на пути, — поняла Мира.

— Бухгалтер с уважением к очередности, — выдохнул я.

— Наконец-то наш человек.

Мы добежали до стойки Нели. Там почти не осталось ожидающих. Соня сидела одна. Женщина с яблоками и старушка исчезли вместе со стульями. Мужчина в каске стоял перед окошком, безуспешно пытаясь доказать, что под ним есть голова.

— Нам нужна регистрация нового несоответствия! — крикнул я.

Неля подняла глаза. Увидела служащего с печатью, который не торопясь входил в холл, и побледнела.

— Какой предмет?

— Он собирается утилизировать наше право помнить, что было в шкафу. Я возражаю против уничтожения свидетельства при открытой проверке.

Неля потянулась к клавиатуре. Она нажала три клавиши, и монитор глухо захрустел. На экране проступили цифры: «ЗАЯВЛЕНИЕ ПОДЛЕЖИТ ЗАКРЫТИЮ ПО ПРИЧИНЕ ОТСУТСТВИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ».

Я посмотрел вниз. Мои ботинки уже просвечивали. Видна была белая плитка с серыми трещинами. Я попытался пошевелить пальцами внутри обуви. Получилось, но ощущение было, будто я двигаю чем-то, чего не держу.

— Он вас уже принял, — прошептала Неля.

Мира схватила меня за плечи. Её пальцы начали проваливаться сквозь ткань куртки.

— Лев, смотри на меня.

— Смотрю. На это пока не требуется бланк.

— Назови своё имя.

— Лев Андреевич Климов. Двадцать восемь лет. Живой, пока не доказано обратное.

Соня вдруг поднялась со стула.

— Я вижу их! — громко сказала она.

Служащий замер. Его штамп завис над столом.

— Я тоже, — сказала Неля. Она оторвала чистый лист и торопливо написала: «11.11.2026, 07:52. Два присутствующих лица находятся перед стойкой». Подпись поставила рядом с моим именем.

— Третьего нужно? — спросила Соня.

— Двух независимых уже достаточно, чтобы нельзя было автоматически признать одно лицо отсутствующим, — ответила Неля. — Но третье не повредит.

Соня вытащила из рюкзака ручку с кошачьим хвостом. На листе появилась детская подпись, большая и кривая.

Внизу загорелась серая строка:

«НАЛИЧИЕ ЗАЯВИТЕЛЯ ПОДТВЕРЖДЕНО ВНЕШНИМИ СВИДЕТЕЛЯМИ».

Служащий остановился. Его неправильное лицо начало медленно выпрямляться, но от этого стало ещё страшнее: на месте глаза оставалась пустая складка кожи.

— Утилизация отложена, — сказал он без всякого выражения. — До разрешения противоречия.

И ушёл обратно в коридор, подбирая по пути упавшие

скрепки.

Мои ботинки снова стали непрозрачными. Я так обрадовался, что даже простил им всю грязь за ночь.

— Спасибо, — сказал я Соне.

— Я пришла в четверг, — ответила она. — И ещё здесь. Это ведь считается?

— Считается.

Неля закрыла лист ладонью, будто прятала его от невидимого ветра.

— До сих пор не считалось, — сказала она. — Теперь есть шанс.

В проходе появился инспектор. Он посмотрел на записку, на мои ботинки, на стену, где уже не было пожарной таблички.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.